Издательство

Г. В. Пл

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

ВЪ

революціонномъ движеніи.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Перепечатано изъ
«Соціальдемократа».

Цѣна 15 коп.

...ца, выписывающія на 3 руб., за пересылку въ пре-
дѣлахъ Европейской Россіи не платятъ; просятъ деньги
присылать впередъ (можно марками).

Книжные магазины пользуются скидкою въ размѣрѣ
25%. При заказѣ на сумму не менѣе 20 руб. пересылка
по желѣзнымъ дорогамъ въ предѣлахъ Европейской Россіи
принимается за счетъ издательства. Книги высылаются
наложеннымъ платежомъ.

Серія „Пролетаріатъ“ продаются во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ Петербурга и Москвы.

**Складъ изданій въ С.-Петербургѣ при книжной торговлѣ—
Владимірскій пр., № 19, и при книжномъ магазинѣ „Трудъ“
Невскій пр., № 60.**

Издательство ,

Г. В. Пле...

Plechanov

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

въ

РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Перепечатано изъ
«Соціальдемократа».

Первый рабочій-революціонеръ, съ которымъ столкнула меня судьба, былъ довольно извѣстный когда то въ русской революціонной средѣ Митрофановъ, впослѣдствіи умершій въ тюрьмѣ отъ чахотки. Я познакомился съ нимъ у студентовъ медицинской академіи братьевъ Х., въ концѣ 1875 года. Митрофановъ былъ уже тогда «нелегальнымъ» и жилъ у братьевъ Х., скрываясь отъ полиціи. Какъ и всѣ студенты-революціонеры того времени, я конечно, былъ большимъ народолюбцемъ и собирался «итти въ народъ», понятіе о которомъ было у меня, однако,—опять таки какъ и у всѣхъ насъ, студентовъ-революціонеровъ того времени—очень смутнымъ и неопредѣленнымъ. Любя «народъ», я зналъ его очень мало, а лучше сказать не зналъ совсѣмъ, хотя и выросъ въ деревнѣ. Когда я въ первый разъ встрѣтился съ Митрофановымъ и узналъ, что онъ рабочій, т. е. одинъ изъ представителей «народа», въ моей душѣ шевельнулось смѣшанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я въ чемъ нибудь передъ нимъ провинился. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но въ то же время я рѣшительно не зналъ, какъ и въ какихъ выраженіяхъ стану съ нимъ разговаривать. Мнѣ казалось, что языкъ нашего брата студента будетъ совершенно непонятенъ этому «сыну народа», и что въ разговорѣ съ нимъ я долженъ держаться того нелѣпаго, переряженнаго слога, которымъ были написаны многія изъ нашихъ революціонныхъ брошюръ. Къ счастью, Митрофановъ вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ заговорилъ первый, и, не помню уже какъ, разговоръ перешелъ на революціонную литературу. Я увидѣлъ, что мой собесѣдникъ читалъ не однѣ только ряженыя брошюры. Ему знакомы были сочиненія Чернышевскаго, Бакунина, Лаврова, и онъ умѣлъ отнестись къ

ровъ. Многіе изъ нихъ уже подвергались преслѣдованіямъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ 73—74 годовъ (изъ котораго выросъ потомъ знаменитый процессъ 193) и, сидя въ тюрьмѣ, много учились и читали. По выходѣ на волю они опять горячо принялись за революціонную дѣятельность, но смотрѣли на революціонные рабочіе кружки прежде всего какъ на *кружки самообразованія*. Когда бунтари, излагая передъ ними свои взгляды, выразили ту мысль, что «пропаганда» не имѣетъ никакого революціоннаго значенія, рабочіе горячо запротестовали.

— Какъ не стыдно вамъ говорить это—съ жаромъ воскликнулъ нѣкто В., работавшій, если не ошибаюсь, на Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ и только что оставившій Домъ Предварительнаго Заключенія, гдѣ онъ сидѣлъ по дѣлу «чайковцевъ», — каждаго изъ васъ, интеллигентовъ, въ пяти школахъ учили, въ семи водахъ мыли, а вѣдь иной рабочій не знаетъ, какъ отворяется дверь школы! Вамъ не нужно больше учиться: вы и такъ много знаете, а рабочимъ безъ этого нельзя!

— Не страшно пропасть за дѣло, когда понимаешь его,—говорилъ молодой, стройный рабочій В. Я—ъ,—а когда пропадаешь неизвѣстно за что, это уже плохо. Мало хорошаго добьетесь вы отъ такого рабочаго, который ничего не знаетъ!

— Каждый рабочій — революціонеръ по самому положенію своему,—возражали бунтари,—развѣ онъ не видитъ, не понимаетъ, что хозяинъ наживается на его счетъ?

— Понимаетъ, да плохо, видитъ, да не такъ, какъ слѣдуетъ,—стояли на своемъ рабочіе.—Другому кажется, что иначе и быть не можетъ, что такъ ужъ Богу угодно, чтобы терпѣлъ рабочій. А вы покажите ему, что можетъ быть иначе. Тогда онъ станетъ настоящимъ революціонеромъ.

Споръ затянулся на долго. Въ концѣ концовъ обѣ стороны пошли на уступки. Рѣшено было не пренебрегать *пропагандой*, но въ то же время не упускать удобныхъ случаевъ для *агитаціи*. Я увѣренъ, впрочемъ, что рабочимъ было очень неясно тогда, какой именно «агитаціи» добиваются отъ нихъ бунтари. Да и у самихъ бунтарей съ этимъ словомъ связывались довольно неопредѣленныя представленія.

Какъ бы тамъ ни было, споры прекратились; сходка могла считаться оконченной. Бунтари ушли, ушли также нѣкоторые изъ рабочихъ, но большинство продолжало сидѣть, дѣятельно занимаясь чаепитіемъ. Кто-то сбѣгалъ за пивомъ, произошла легкая выпивка, и разговоръ принялъ шутливый характеръ. В. разсказывалъ разные смѣшные случаи изъ своей тюремной жизни, а В. Я-ъ, тотъ самый В. Я-ъ, который говорилъ, что человѣкъ можетъ съ самоотверженіемъ относиться только къ понятному для него дѣлу, – спѣлъ даже пѣсню, сложенную, по его словамъ, колпинскими рабочими послѣ каракозовскаго покушенія. У меня осталось въ памяти только начало этой пѣсни.

Каракозову спасибо, ...

Веселая компанія засидѣлась у меня далеко за полночь, и я разстался со своими гостями, какъ со старыми пріятелями.

Впечатлѣніе, произведенное ими на меня, было очень сильно. Я совершенно забылъ мрачные отзывы Митрофанова о петербургскихъ рабочихъ. Я видѣлъ и помнилъ только то, что всѣ эти люди, самымъ несомнѣннымъ образомъ принадлежавшіе къ «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, съ которыми я могъ говорить такъ же просто и, слѣдовательно, такъ же искренно, какъ со своими знакомыми-студентами. Мало того, на тѣхъ изъ нихъ, которые уже отсидѣли извѣстное время въ тюрьмѣ, я смотрѣлъ снизу вверхъ; «я еще ничѣмъ не доказалъ своей преданности дѣлу, а они успѣли уже постоять за него», говорилъ я себѣ и смотрѣлъ на нихъ почти съ благоговѣніемъ какъ смотритъ, вѣроятно, всякій молодой, небывавшій въ передѣлкахъ революціонеръ на опытнаго, *пострадавшаго за дѣло* товарища. Такое-же впечатлѣніе вынесъ я изъ знакомства съ нелегальнымъ Митрофановымъ; но Митрофанова я считалъ исключеніемъ; теперь я узналъ, что подобныхъ ему исключеній много. Дѣло сближенія съ народомъ, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мнѣ теперь простымъ и легкимъ. Не откладывая его въ долгій ящикъ, я рѣшилъ немедленно же и какъ можно ближе сойтись съ моими новыми знакомыми. Поддержать разъ завязавшіяся сношенія съ ними было тѣмъ

легче, что нѣкоторые изъ нихъ дали мнѣ свои адреса и звали къ себѣ въ гости.

Прежде всего я пошелъ къ нѣкоему Г-у, живущему, какъ оказалось, по сосѣдству со мною. Г-ъ былъ оригинальный человѣкъ, едва ли имѣвшій въ своемъ характерѣ хоть одну изъ тѣхъ чертъ, которыя «интеллигенція» такъ любитъ приписывать «народу». Въ немъ не было и слѣда крестьянской непосредственности, крестьянской склонности жить и думать такъ, какъ жили и думали предки. При самыхъ обыкновенныхъ способностяхъ онъ отличался рѣдкой жаждой знанія и по истинѣ удивительной энергіей въ дѣлѣ самообразованія. Работая на заводѣ по 10—11 часовъ въ сутки и возвращаясь домой только вечеромъ, онъ ежедневно просиживалъ за книгами до часу ночи. Читалъ онъ медленно и, какъ я замѣтилъ, не легко усваивалъ прочитанное, но то, что усваивалъ, зналъ очень основательно. Маленькій, слабогрудый и блѣдный, безбородый, съ небольшими тонкими усиками, онъ носилъ длинные волосы и синія очки. Въ зимніе холода онъ, поверхъ короткаго драповаго пальто, накидывалъ широкій пледъ и тогда уже окончательно выглядѣлъ студентомъ. Онъ и жилъ по студенчески, занимая крошечную комнатку, единственный столъ которой былъ заваленъ книгами. Когда я короче познакомился съ нимъ, я былъ пораженъ разнообразіемъ и множествомъ осаждавшихъ его теоретическихъ вопросовъ. Чѣмъ только не интересовался этотъ человѣкъ, въ дѣтствѣ едва научившійся грамотѣ! Политическая экономія и химія, соціальный вопросъ и теорія Дарвина одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе, возбуждали въ немъ одинаковый интересъ, и, казалось, нужны были десятки лѣтъ, чтобы, при его положеніи, хоть немного утолить его умственный голодъ. Меня и обрадовала и вмѣстѣ какъ бы опечалила эта черта его характера. Почему обрадовала— это понятно безъ поясненій; опечалила же потому, что я былъ сильно проникнутъ тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастіе къ книгѣ считалось недостаткомъ, признакомъ холоднаго, нереволюціоннаго темперамента. Впрочемъ, по темпераменту Г-ъ, дѣйствительно не былъ революціонеромъ. Онъ, навѣрное, всегда лучше чувствовалъ бы себя въ библіотекѣ, чѣмъ на шумномъ политическомъ собраніи. Но отъ товарищей онъ не отста

валъ, а положиться на него можно было, какъ на каменную гору.

Въ сопровожденіи Г-а я посѣтилъ почти всѣхъ остальныхъ рабочихъ, бывшихъ на вышеописанной сходкѣ въ моей комнатѣ, а затѣмъ уже пріобрѣлъ между ними много новыхъ знакомыхъ. Видя какъ заинтересовало меня «рабочее дѣло», бунтари приняли меня въ свой кружокъ, такъ что «занятія съ рабочими» стали съ тѣхъ поръ моей революціонной обязанностью.

II.

Само собою разумѣется, что между рабочими, какъ и повсюду, я встрѣчалъ людей, очень различавшихся между собою по характеру, по способностямъ и даже по образованію. Одни, подобно Г-у, читали очень много, другіе такъ себѣ, не много и не мало, а третьи предпочитали книжкѣ «умные» разговоры за стаканомъ чаю или за бутылкой пива. Но въ общемъ вся эта среда отличалась значительною умственною развитостью и высокимъ уровнемъ своихъ житейскихъ потребностей. Я съ удивленіемъ увидѣлъ, что эти рабочіе живутъ нисколько не хуже, а многіе изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты. Въ среднемъ каждый изъ нихъ зарабатывалъ отъ 1 р. 25 к. до 2 рублей въ день. Разумѣется, и на этотъ, сравнительно хорошій, заработокъ, не легко было существовать семейнымъ людямъ. Но холостые—а они составляли между знакомыми мнѣ рабочими большинство—могли расходовать вдвое больше небогатаго студента. Были среди нихъ и настоящіе богачи, въ родѣ механика С., ежедневный заработокъ котораго доходилъ до трехъ рублей. С. жилъ на Васильевскомъ Островѣ вмѣстѣ съ В. (который на сходкѣ у меня такъ горячо отстаивалъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ). Эти два друга занимали прекрасно меблированную комнату, покупали книги и любили иногда побаловать себя бутылкой хорошаго вина. Одѣвались они, въ особенности С., настоящими франтами. Впрочемъ, всѣ рабочіе этого слоя одѣвались несравненно лучше, а главное, опрятнѣе, чище нашего брата-студента. Каждый изъ нихъ имѣлъ для большихъ оказій хорошую черную пару и когда

облекался въ нее, то выглядѣлъ «бариномъ» гораздо больше любого студента. Революціонеры изъ «интеллигенціи» часто и горько упрекали рабочихъ за «буржуазную» склонность къ франтовству, но не могли ни искоренить, ни даже хотя бы отчасти ослабить эту будто бы вредную склонность. Привычка и здѣсь оказывалась второй натурой. Въ дѣйствительности, рабочіе заботились о своей наружности не больше, чѣмъ «интеллигенты» о своей, но только заботливость ихъ выражалась иначе. Интеллигентъ любилъ принарядиться по «*демократически*» въ красную рубаху или въ засаленную блузу, а рабочій, которому засаленная блуза надоѣла и намозолила глаза въ мастерской, любилъ, придя домой, одѣться въ чистое, какъ намъ казалось, въ *буржуазное* платье. Своимъ, часто преувеличенно небрежнымъ. костюмомъ интеллигентъ протестовалъ противъ свѣтской хлыщеватости; рабочій-же, заботясь о чистотѣ и нарядности своей одежды, протестовалъ противъ тѣхъ общественныхъ условій, благодаря которымъ онъ слишкомъ часто видитъ себя *вынужденнымъ* одѣваться въ грязныя лохмотья. Теперь, вѣроятно, всякій согласится, что этотъ второй протестъ много серьезнѣе перваго. Но въ то время дѣло представлялось намъ иначе: пропитанные духомъ аскетическаго соціализма, мы готовы были проповѣдывать рабочимъ то самое «отсутствіе потребностей», въ которомъ Лассаль видѣлъ одно изъ главныхъ препятствій для успѣха рабочаго движенія.

Чѣмъ больше знакомился я съ петербургскими рабочими, тѣмъ больше поражался ихъ культурностью. Бойкіе и рѣчистые, умѣющіе постоять за себя и критически отнестись къ окружающему, они были *горожанами* въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Многіе изъ насъ держались тогда того мнѣнія, что «спропагандированные» городскіе рабочіе должны идти въ деревню, чтобы дѣйствовать тамъ въ духѣ той или иной революціонной программы. Мнѣніе это раздѣлялось и нѣкоторыми рабочими. Я уже сказалъ, какъ исключительно стоялъ Митрофановъ за дѣятельность въ деревнѣ. Такой взглядъ былъ непосредственнымъ и неизбѣжнымъ плодомъ нарождавшагося тогда народничества, съ его презрѣніемъ къ городской цивилизаціи, съ его идеализаціей крестьянскаго быта. Господствовавшія въ средѣ революціонной интеллигенціи народническія идеи есте-

ственно налагали свою печать также и на *взгляды* рабочихъ. Но *привычекъ* ихъ онѣ передѣлать не могли, и потому настоящіе городскіе рабочіе, т. е. рабочіе, совершенно свыкшіеся съ условіями городской жизни, въ большинствѣ случаевъ оказывались непригодными для деревни. Сойтись съ крестьянами имъ было еще труднѣе, чѣмъ революціонерамъ „интеллигентамъ". Горожанинъ, если только онъ не „кающійся дворянинъ" и не совсѣмъ проникся вліяніемъ дворянъ этого разряда, всегда смотритъ сверху внизъ на деревенскаго человѣка. Именно такъ смотрѣли на этого человѣка петербургскіе рабочіе. Они называли его *сѣрымъ* и въ душѣ всегда нѣсколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бѣдствіямъ. Въ этомъ отношеніи Митрофановъ, съ его нелюбовью къ городу, представлялъ собою несомнѣнное исключеніе изъ общаго правила. Но Митрофановъ, по своей *нелегальности,* долго жилъ среди „интеллигенціи" и совершенно проникся всѣми ея чувствами.

Нужно сказать и то, что между петербургскими рабочими деревенскій человѣкъ нерѣдко является собою довольно жалкую фигуру. На Василеостровскій патронный заводъ поступилъ, въ качествѣ смазчика, крестьянинъ Смоленской губерніи С.. На этомъ заводѣ у рабочихъ было свое потребительное товарищество и своя столовая, служившая въ то-же время читальней, такъ какъ она была снабжена почти всѣми столичными газетами. Дѣло было въ разгарѣ герцеговинскаго возстанія. Новый смазчикъ отправился ѣсть въ общую столовую, гдѣ за обѣдомъ газеты читались, по обыкновенію, вслухъ. Въ тотъ день, не знаю ужъ въ какой газетѣ, шла рѣчь объ одномъ изъ «славныхъ защитниковъ Герцеговины». Деревенскій человѣкъ вмѣшался въ поднявшіеся по этому поводу разговоры и высказалъ неожиданное предположеніе о томъ, что «онъ, должно быть, любовникъ ейный».

— Кто? Чей?—спросили удивленные собесѣдники.

— Да герцогининъ-то защитникъ; съ чего жъ бы сталъ онъ защищать ее, кабы промежъ нихъ ничего не было?

Присутствующіе разразились громкимъ хохотомъ. «Такъ по твоему Герцеговина не страна, а баба—восклицали они—ничего-то ты не понимаешь, прямая деревенщина»!—Съ тѣхъ поръ за нимъ надолго установилось прозвище—*сѣрый.* Это прозвище очень удивило меня, когда я познакомился съ

нимъ глубокой осенью 1876 года, и когда онъ былъ уже убѣжденнымъ революціонеромъ и самымъ дѣятельнымъ пропагандистомъ.

— Почему вы такъ называете его?—спросилъ я рабочихъ.

— Да какъ-же, вѣдь онъ какую штуку отмочилъ у насъ въ столовой; вѣдь онъ думалъ..—послѣдовалъ разсказъ о герцогининомъ любовникѣ.

— Ну что жъ, ну ошибся,—добродушно оправдывался смазчикъ,—вѣдь я что-же понималъ тогда?

Подобныя происшествія подавали поводъ лишь къ насмѣшкѣ. Но между «сѣрыми людьми» и петербургскими рабочими происходили иногда недоразумѣнія гораздо болѣе печальнаго свойства. По дѣлу о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ попалъ въ тюрьму рабочіи Б-нъ, родомъ изъ Новгородской или Петербургской губерніи. Выпущенный послѣ почти двухлѣтняго заключенія, Б—нъ отправился на родину, если не ошибаюсь, для перемѣны паспорта. Тотчасъ по его приходѣ, онъ былъ засаженъ въ «холодную», а затѣмъ «старички» рѣшили «постегать малаго» за недоимки. Ему сообщили объ этомъ рѣшеніи, какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ и совершенно неизбѣжномъ.

— Да вы съ ума сошли—возопилъ Б-нъ—да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то всю сожгу, да и вы-то головъ не сносите: самъ пропаду, да ужъ и вы пожалѣете, что связались со мною!

«Старички» струсили. Они рѣшили, что совсѣмъ ошалѣлъ ихъ «острожникъ» и что лучше, въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ «не путаться». Такъ и ушелъ Б-нъ изъ родной деревни, не вкусивъ благодѣтельныхъ лозановъ. Но онъ уже никогда не могъ забыть этого происшествія.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ намъ,—я по прежнему готовъ заниматься прапагандой между рабочими, но въ деревню никогда и ни за что не пойду. Незачѣмъ. Крестьяне—бараны, они никогда не поймутъ революціонеровъ.

Я не разъ замѣчалъ, что на тѣлесное наказаніе рабочіе смотрятъ, какъ на крайнюю степень униженія человѣческаго достоинства. Иногда они съ негодованіемъ показывали мнѣ газетныя сообщенія о поркахъ крестьянъ, и я всегда затруднялся рѣшить, что больше возмущаетъ ихъ: свирѣпость истязующихъ или безотвѣтная покорность истязуемыхъ.

Когда сложившееся въ 1876 году, общество «Земля и Воля» стало заводить свои революціонныя поселенія «въ народѣ», намъ удалось склонить къ переѣзду въ Саратовскую губернію нѣкоторыхъ петербургскихъ рабочихъ. Это были испытанные люди, добрая воля которыхъ не могла подлежать сомнѣнію. Но попытки ихъ устроиться въ деревнѣ не привели ни къ чему. Побродивъ по деревнямъ, съ цѣлью высмотрѣть подходящее мѣсто для своего поселенія, (причемъ нѣкоторые изъ нихъ были приняты крестьянами за нѣмцевъ), они махнули рукой на это дѣло и кончили тѣмъ, что вернулись въ Саратовъ, гдѣ завели сношенія съ мѣстными рабочими. Какъ ни удивляла насъ эта отчужденность отъ «народа» его городскихъ дѣтей, но фактъ былъ на-лицо, и мы должны были оставить мысль о привлеченіи рабочихъ къ собственно крестьянскому дѣлу.

Прошу читателя имѣть въ виду, что я говорю здѣсь о такъ называемыхъ *заводскихъ* рабочихъ, составляющихъ значительную часть петербургскаго рабочаго населенія и сильно отличающихся отъ *фабричныхъ*, какъ по своему сравнительно сносному экономическому положенію, такъ и по своимъ привычкамъ. Фабричный работаетъ больше (12—14 часовъ въ день) и получаетъ меньше заводскаго (18—25 р. въ мѣсяцъ). Онъ носитъ ситцевую рубаху и долгополую поддевку, надъ которыми подсмѣивается заводскій рабочій. Онъ не имѣетъ возможности нанимать отдѣльную квартиру или комнату, а живетъ въ общемъ артельномъ помѣщеніи. У него болѣе прочныя связи съ деревней, чѣмъ у заводскаго рабочаго. Онъ знаетъ и читаетъ гораздо меньше, чѣмъ заводскій, и вообще онъ ближе къ крестьянину. Заводскій рабочій представляетъ собою что-то среднее между „интеллигентомъ“ и фабричнымъ; фабричный—что-то среднее между крестьяниномъ и заводскимъ рабочимъ. Къ кому онъ ближе по своимъ понятіямъ, къ крестьянину или къ заводскому,—это зависитъ отъ того, какъ долго прожилъ онъ въ городѣ. Только что пришедшій изъ деревни фабричный, разумѣется, остается въ теченіе нѣкотораго времени настоящимъ крестьяниномъ. Онъ жалуется и не на хозяйскую прижимку, а на тяжелыя подати, да на крестьянское малоземелье. Пребываніе въ городѣ кажется ему временной и притомъ очень непріятной необходимостью. Но мало по малу городская жизнь

подчиняетъ его своему вліянію: незамѣтно для себя, онъ пріобрѣтаетъ привычки и взгляды горожанина. Проработавъ въ городѣ нѣсколько лѣтъ, онъ уже плохо чувствуетъ себя въ деревнѣ и неохотно возвращается въ нее, въ особенности, если ему удалось столкнуться съ «умственными» людьми, и онъ заинтересовался книжкой. Я знавалъ такихъ фабричныхъ, которые, будучи принуждены вернуться на время домой, ѣхали туда, какъ въ ссылку, а возвращались назадъ, подобно заводскому рабочему Б-ну, рѣшительными недругами «деревенщины». Причина была всегда одна и та же: деревенскіе нравы и порядки становились невыносимы для человѣка, личность котораго начинала хоть немного развиваться. И чѣмъ даровитѣе былъ рабочій, чѣмъ больше думалъ и учился онъ въ городѣ, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе разрывалъ онъ съ деревней. Фабричный, нѣсколько лѣтъ принимавшій участіе въ революціонномъ движеніи, обыкновенно, не могъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ выжить у себя на родинѣ. Иногда отношенія такихъ рабочихъ къ ихъ старикамъ родителямъ принимали положительно трагическій характеръ. «Отцы» горько плакались на непочтительность «дѣтей», а дѣти съ тяжелымъ сердцемъ убѣждались, что стали въ семьѣ совершенно чужими, и ихъ неудержимо тянуло въ городъ, въ тѣсные, дружескіе кружки товарищей-революціонеровъ.

Едва-ли нужно объяснять, гдѣ причина лучшаго экономическаго положенія заводскихъ рабочихъ. Она заключается въ свойствахъ ихъ труда. Можно легко и скоро выучиться хорошо работать на фабрикѣ, на прядильномъ или ткацкомъ станкѣ. Для этого достаточно нѣсколькихъ недѣль. Но для того, чтобы сдѣлаться столяромъ, токаремъ или слесаремъ, нужно, по крайней мѣрѣ, около года. Рабочій, знающій одно изъ этихъ ремеслъ, считается уже «мастеровымъ человѣкомъ», и именно такіе мастеровые нужны для заводовъ *). Несомнѣнно также, что не остаются безъ вліянія въ этомъ случаѣ и наши знаменитые «устои». Нужда и необходимость платить подати, часто во много разъ превышающія доходность крестянскихъ надѣ-

*) Т. е. для механическихъ заводовъ. О кирпичныхъ, сахарныхъ и т. п. я не говорю. На нихъ работаютъ настоящіе крестьяне.

ловъ, ежегодно выгоняютъ изъ деревень массу «общинниковъ», которые со всѣхъ сторонъ стремятся на фабрики, своимъ соперничествомъ страшно понижая заработную плату. На заводахъ этотъ наплывъ менѣе ощутителенъ, такъ какъ туда рѣдко удастся попасть человѣку безъ спеціальной подготовки. Притомъ же, многіе изъ заводскихъ рабочихъ—городскіе мѣщане, т. е. люди, имѣющіе рѣдко достающееся на долю русскаго работника счастье быть пролетаріями, и потому не обязанные прямыми платежами по отношенію къ государству. Разумѣется, и одного голода болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы поставить продавца рабочей силы въ условія, очень невыгодныя для ея продажи. Но у «крѣпкихъ землѣ» фабричныхъ *къ голоду* присоединяется еще и *податной гнетъ*. Государство лишаетъ ихъ всякой возможности даже съ голодомъ бороться иначе, какъ со связанными руками.

Въ качествѣ коренныхъ горожанъ, многіе заводскіе рабочіе съ дѣтства имѣютъ гораздо больше средствъ къ образованію, чѣмъ фабричные. Между знакомыми мнѣ заводскими рабочими я не встрѣчалъ людей, совершенно не бывшихъ въ школѣ. Одни изъ нихъ учились въ обыкновенныхъ городскихъ первоначальныхъ школахъ, другіе въ школахъ Техническаго и Человѣколюбиваго Обществъ. Я совсѣмъ не знакомъ со школами Человѣколюбиваго Общества (слышалъ только отъ рабочихъ, что одна изъ нихъ имѣетъ нѣсколько классовъ), но школы Техническаго Общества извѣстны мнѣ очень хорошо. Бѣдно обставленныя, онѣ все таки недурно дѣлаютъ свое дѣло, обучая заводскую молодежь чтенію, письму и ариѳметикѣ. Для взрослыхъ рабочихъ въ этихъ школахъ устраиваются, или, по крайней мѣрѣ, устраивались субботнія (вечернія) и воскресныя (утреннія) чтенія по космографіи и по другимъ естественнымъ наукамъ. На чтенія эти всегда являлась многочисленная публика, и нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушала она учителя! Я самъ не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ послѣ урока пожилые рабочіе подходили къ учителю и горячо благодарили за его трудъ: «очень ужъ интересно, говорили они, большое вамъ спасибо ото всѣхъ насъ». На нѣкоторыхъ заводахъ рабочіе-пропагандисты сдѣлали такое замѣчаніе: если человѣкъ не ходитъ на чтенія то на него надежды мало; и наоборотъ:

чѣмъ внимательнѣе слѣдитъ онъ за ними, тѣмъ съ большею увѣренностью можно сказать, что онъ станетъ современемъ надежнымъ революціонеромъ. Этой примѣтой они неизмѣнно руководствовались въ дѣлѣ привлеченія къ своимъ кружкамъ новыхъ членовъ.

Нѣкоторые изъ заинтересовавшихся книжкой рабочихъ не прочь были иногда и сами взяться за перо. На Василеостровскомъ патронномъ заводѣ въ теченіе нѣкотораго времени рабочими велся рукописный журналъ,—родъ рѣзкой сатирической лѣтописи заводской жизни. Доставалось въ немъ больше всего заводскому начальству, но иногда бичъ рабочей сатиры хваталъ и выше. Такъ, напримѣръ, помню, журналъ доводилъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что въ правительственныхъ сферахъ обсуждается проектъ закона, въ силу котораго будутъ получать особыя награды предприниматели, въ теченіе года изувѣчившіе на своихъ фабрикахъ и заводахъ наибольшее число рабочихъ («награды будутъ соразмѣрны количеству оторванныхъ пальцевъ, рукъ и носовъ», говорилось въ этомъ сообщеніи). Эта горькая насмѣшка мѣтко характеризовала положеніе дѣлъ въ странѣ, законодательство которой, заботливо охраняя интересы нанимателей, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ пренебрегаетъ интересами нанимаемыхъ.

Рабочая молодежь,—подростки и дѣти, насколько—я замѣтилъ, отличаются гораздо большею самостоятельностью, чѣмъ молодежь высшихъ классовъ. Жизнь въ болѣе раннемъ возрастѣ и съ большею суровостью толкаетъ ихъ на борьбу за существованіе, чѣмъ и налагаетъ особую печать находчивости и закаленности на тѣхъ изъ нихъ, которымъ удается спастись отъ преждевременной гибели. Я зналъ тринадцатилѣтняго мальчугана, круглаго сироту, который, работая въ Галерной Гавани на заводѣ Макферсона, жилъ одинъ-одинешенекъ, повидимому, не чувствуя ни малѣйшей нужды въ какой либо посторонней поддержкѣ. Онъ самъ разсчитывался съ конторой и самъ, безъ чужихъ указаній, умѣлъ соблюдать равновѣсіе въ своемъ маленькомъ бюджетѣ. Не знаю, былъ-ли у него опекунъ: это какъ то слишкомъ нѣжно для рабочаго; но если и былъ, то, навѣрное, не много имѣлъ хлопотъ съ опекаемымъ.

Столкновенія съ мастерами и хозяевами развиваютъ въ рабочей молодежи замѣчательное единодушіе. Весною

1878 года, во время стачки на Новой Бумагопрядильнѣ, было арестовано и посажено въ участокъ нѣсколько малолѣтнихъ фабричныхъ. Товарищи ихъ, такіе же малолѣтніе и такіе же «бунтовщики», какъ и арестованные, немедленно отправились толпою въ участокъ, требуя ихъ освобожденія. Вышла своеобразная дѣтская демонстрація. Взрослые рабочіе не принимали въ ней никакого участія. Они только наблюдали ее издали: «вишь, какъ наши ребятишки-то дѣйствуютъ, одобрительно говорили они, ничего, пущай учатся». Впрочемъ, въ данномъ случаѣ учиться ребятишкамъ было нечему: они и безъ того принимали въ стачкѣ самое дѣятельное и самое полезное участіе, прекрасно понимая въ чемъ дѣло. Когда на обширномъ дворѣ Бумагопрядильни происходили большія собранія стачечниковъ, малолѣтніе играли обыкновенно роль казачьихъ разъѣздовъ. Они какимъ то чутьемъ узнавали о приближеніи непріятеля и немедленно доводили о немъ до свѣдѣнія старшихъ. «Приставъ ѣдетъ! приставъ ѣдетъ!» со всѣхъ сторонъ кричали звонкіе дѣтскіе голоса, и, извѣщенное во время, собраніе расходилось. Когда приставъ появлялся на мѣсто дѣйствія, то хватать было уже некого. Взрослая полиція страшно злобилась на эту малолѣтнюю полицію рабочихъ. Многіе изъ этихъ маленькихъ стачечниковъ были подвергнуты тогда «исправительному наказанію при полиціи». Не думаю, однако, чтобы наказаніе «исправило» ихъ въ желательномъ для начальства смыслѣ.

Много интереснаго могъ бы подмѣтить въ рабочей средѣ такой тонкій наблюдатель, какъ Г. И. Успенскій. Но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали и не обращаютъ на нее никакого вниманія. Для нихъ «народъ» кончается тамъ, гдѣ исчезаетъ крестьянская непосредственность, и гдѣ завѣщанная предками философія Ивана Ермолаевича разлагается подъ вліяніемъ пробудившейся мысли работника. Правда, въ семидесятыхъ годахъ этимъ грѣхомъ грѣшны были не одни беллетристы-народники, вообще, не одна «легальная» литература. «Нелегальные» писатели съ своей стороны не мало содѣйствовали ложной идеализаціи крестьянства и торжеству самобытныхъ теорій «русскаго соціализма», никогда не умѣвшаго взглянуть на рабочій вопросъ съ правильной точки зрѣнія. Проникнутые народническими предразсудками, всѣ мы видѣли тогда въ

торжествѣ капитализма и въ развитіи пролетаріата величайшее зло для Россіи. Благодаря этому, наше отношеніе къ рабочимъ всегда было двойственнымъ и совершенно непослѣдовательнымъ. Съ одной стороны, въ своихъ программахъ, мы не отводили пролетаріату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упованія исключительно на крестьянскіе бунты; а съ другой—мы все-таки считали нужнымъ «заниматься съ рабочими», и не могли отказаться отъ этого дѣла уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затратѣ силъ, оказывалось несравненно болѣе плодотворнымъ, чѣмъ наши излюбленныя «поселенія въ народѣ». Но, идя къ рабочимъ не то чтобы противъ воли, а, такъ сказать, *противъ теоріи*, мы, разумѣется, не могли хорошо выяснить имъ то, что Лассаль называлъ *идеей рабочаго сословія.* Мы проповѣдывали имъ не соціализмъ и даже не либерализмъ (это было бы еще полъ бѣды), а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать «буржуазныя» политическія права и «буржуазную» политическую свободу и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и «бунтарскимъ» духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому» мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, соціально-политическая задача пролетарія. До этого ему приходилось додумываться собственнымъ умомъ, и читатель увидитъ ниже, что когда рабочіе додумались до этого, то ужаснули всѣхъ правовѣрныхъ «интеллигентовъ».

Здѣсь надо оговориться. Сказанное мною объ отношеніи интеллигенціи къ рабочему вопросу касается только бунтарей-«землевольцевъ» и лицъ, стоявшихъ на ихъ, т. е. на народнической, точкѣ зрѣнія. Рядомъ съ ними дѣйствовали еще «лавристы». Люди этого направленія были тогда въ меньшинствѣ и быстро сходили со сцены. Но надо отдать имъ справедливость: *ихъ* пропаганда, вѣроятно, была разумнѣе нашей. Правда, и они, подобно намъ, отрицали «буржуазную» политическую свободу, и они, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, готовы были трепетать за участь «устоевъ». Въ ихъ взглядахъ было тоже много непослѣдо-

вательности, но *ихъ* непослѣдовательность имѣла одну счастливую особенность: отрицая «политику», они съ величайшимъ сочувствіемъ относились къ нѣмецкой соціальной демократіи. Нельзя имѣть высокаго мнѣнія о логичности человѣка, отрицающаго «политику» и въ то же время сочувствующаго нѣмецкой соціальной демократіи. Но своими разсказами объ этой послѣдней, такой человѣкъ можетъ заронить сѣмя здоровыхъ понятій въ другія головы, которыя, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сумѣютъ вполнѣ усвоить соціаль-демократическую программу или хоть приблизиться къ ней въ большей или меньшей степени. Въ такомъ случаѣ, за нимъ останется все-таки не малая заслуга. Именно такую заслугу и нужно признать за лавристами. Вспоминая теперь лекціи, читанныя въ рабочихъ кружкахъ «бунтарями», я думаю, что существенную пользу рабочіе могли выносить только изъ лекцій политической экономіи покойнаго И. Ѳ. Фесенко. Этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умершій человѣкъ, очень недурно зналъ выбранный имъ предметъ и умѣлъ излагать его общедоступно и увлекательно. Но его лекціи продолжались всего нѣсколько мѣсяцевъ. Съ его отъѣздомъ изъ Петербурга политическая экономія была у насъ совсѣмъ заброшена; на первый планъ выступили «разсказы изъ русской исторіи», сводившіеся, главнымъ образомъ, къ разсказамъ о бунтахъ Разина, Булавина и Пугачева, да отчасти къ исторіи крестьянства (преимущественно по извѣстной книгѣ Бѣляева: *Крестьяне на Руси*). Для уразумѣнія рабочаго вопроса эти «разсказы» ничего не давали. Иногда мы говорили своимъ слушателямъ и о Международномъ Обществѣ Рабочихъ, но въ качествѣ «бунтарей», разумѣется, превозносили дѣятельность Бакунина, а «централистовъ», т. е. сторонниковъ Маркса и Энгельса, изображали довольно таки злостными реакціонерами. Такое освѣщеніе исторіи Международнаго Общества не могло содѣйствовать политическому развитію нашихъ слушателей. У лавристовъ было хорошо хоть то, что они изображали не въ превратномъ видѣ западно европейское рабочее движеніе, и подъ вліяніемъ *ихъ* разсказовъ русскій рабочій могъ лучше выяснить себѣ свою собственную задачу. Если въ программѣ образовавшагося зимою 78—79 года Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза сильно слышалась соціаль-демократическая нота, то это кажется, въ значительной степени нужно приписать вліянію лавристовъ.

Но вообще въ роли лектора тогдашній интеллигентъ-революціонеръ былъ не блестящъ по той простой причинѣ, что зналъ онъ мало, а то, что зналъ, не всегда понималъ, какъ слѣдуетъ. Онъ полезенъ былъ рабочимъ больше въ качествѣ удалого добраго молодца, способнаго и книжку запрещенную достать, и паспортъ сдѣлать, и устроить подходящую квартиру для тайныхъ собраній, словомъ, научить всѣмъ тонкостямъ «конспиративнаго» дѣла. Онъ шевелилъ, будилъ и увлекалъ впередъ рабочихъ своею подвижностью, своимъ самоотверженіемъ и безграничной склонностью ко всяческому *отрицанію.* Хотя многіе, въ особенности болѣе развитые рабочіе, иногда скептически относились къ интеллигенту, но обойтись безъ этого незамѣнимаго фактора «конспираціи» они не могли. Подъ вліяніемъ Халтурина и его ближайшихъ товарищей рабочее движеніе Петербурга въ теченіе нѣкотораго времени стало совершенно самостоятельнымъ дѣломъ самихъ рабочихъ. Но и Халтурину постоянно приходилось обращаться къ интеллигенціи за помощью, то въ томъ, то въ другомъ практическомъ дѣлѣ.

Какія книги больше всего читались въ рабочей средѣ? Во всякомъ случаѣ, не тѣ революціонныя брошюры-сказки о четырехъ братьяхъ и о копейкѣ, Мудрица Наумовна и проч., которыя въ особенности предназначались революціонерами для народа. Всѣ онѣ такъ бѣдны содержаніемъ, что удовлетворить хоть сколько-нибудь грамотнаго рабочаго не могли. Онѣ годились развѣ только для ничего не читавшихъ новичковъ, да и по отношенію къ тѣмъ служили больше пробнымъ камнемъ ихъ настроенія: если рабочій, прочитавъ такую книжку, не испугался, значитъ— изъ него будетъ толкъ, значитъ, вѣрноподданническія чувства и страхъ іудейскій сидятъ въ немъ не глубоко. Если струсилъ, значитъ—иди отъ него подальше или, по крайней мѣрѣ, будь съ нимъ осторожнѣе. Но разъ вы убѣдились въ революціонномъ настроеніи рабочаго, вы должны были—или доставлять для его чтенія болѣе серьезный печатный матеріалъ, или въ личной бесѣдѣ отвѣчать на возникавшіе въ его головѣ вопросы. Только изданная въ Женевѣ книга «Сытые и Голодные», анархическая и по духу и по литературному исполненію, да еще, пожалуй, «Хитрая Механика» считались рабочими болѣе основательнымъ чте-

ніемъ. На всѣ остальныя революціонныя брошюры для народа они смотрѣли, какъ на нѣчто слишкомъ уже элементарное. «*Это для сѣрыхъ*», говорили о нихъ заводскіе рабочіе. Вообще я замѣтилъ, что, читая книжку, изданную специально «для народа», способный рабочій чувствуетъ себя какъ бы нѣсколько униженнымъ, поставленнымъ въ положеніе ребенка, читающаго дѣтскую сказку. Ему хочется поскорѣе перейти къ сочиненіямъ, предназначающимся для всѣхъ вообще толковыхъ читателей, а не только для «сѣраго» народа. Для многихъ рабочихъ чтеніе серьезныхъ и даже ученыхъ книгъ было своего рода вопросомъ чести. Я помню нѣкоего И. Е., здоровеннаго молотобойца изъ Архангельской губерніи, который съ усердіемъ, достойнымъ болѣе подходящаго для него чтенія, сидѣлъ по вечерамъ надъ „Біологіей“ Спенсера. «Что это вы думаете, что ужъ мы, рабочіе, совсѣмъ дураки», сердито отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я совѣтовалъ ему взять что нибудь полегче. Такіе рабочіе охотно читали все, что печаталось революціонерами для интеллигенціи: «Государственность и Анархію» Бакунина, «Впередъ!», «Общину», «Землю и Волю», переизданную въ Петербургѣ брошюру г. Драгоманова: «До чего довоевались?» и т. п. Но тутъ являлась новая бѣда. Въ революціонныхъ изданіяхъ «для интеллигенціи» много и часто говорилось о такихъ вещахъ, которыя не могли имѣть большого интереса для рабочаго. Таковы были, напримѣръ, спеціально «интеллигентные» вопросы о «долгѣ образованныхъ классовъ народу» и о вытекающихъ изъ этого долга нравственныхъ обязательствахъ, объ отношеніи революціонеровъ къ «обществу» и споры о «программахъ», т. е. иначе сказать, споры о томъ, какъ легче и удобнѣе воздѣйствовать на народъ и, между прочимъ, на того же рабочаго. Къ такимъ программнымъ спорамъ, какъ уже сказано, рабочіе относились довольно равнодушно, хотя для нихъ было далеко не все равно, въ какую сторону направится ихъ собственная революціонная дѣятельность. «Нѣтъ, не для насъ этотъ журналъ, — нашъ журналъ долженъ вестись совсѣмъ иначе», часто говорилъ мнѣ Халтуринъ по поводу «Земли и Воли». И онъ былъ, разумѣется, совершенно правъ: «Земля и Воля»—какъ и «Община», какъ и «Впередъ!» —не могла быть рабочей газетой ни по содержанію, ни по направленію.

Спрашивая рабочихъ, чего именно требуютъ они отъ революціонной литературы, я получилъ самые разнообразные отвѣты. Въ большинствѣ случаевъ, каждому изъ нихъ хотѣлось, чтобы она разрѣшила вопросы, почему нибудь занимавшіе его въ данное время. А вопросовъ этихъ черезъ голову мыслящихъ рабочихъ проходило многое множество, и у каждаго рабочаго, смотря по его наклонностямъ и характеру ума, были свои излюбленные вопросы. Одинъ больше всего интересовался вопросомъ о богѣ и утверждалъ, что революціонная литература должна направить главныя свои усилія на разрушеніе религіозныхъ вѣрованій народа. Другихъ интересовали преимущественно историческіе, политическіе или естественно-научные вопросы. Въ числѣ моихъ пріятелей-фабричныхъ былъ даже такой, котораго особенно занималъ женскій вопросъ. Онъ находилъ, что рабочіе не уважаютъ женщины и обращаются съ ней, какъ съ низшимъ существомъ. По его словамъ, многіе женатые рабочіе даже удаляли своихъ женъ, когда гости ихъ заводили революціонные разговоры; не нужно, молъ, путать бабъ въ это дѣло. Поэтому у женщинъ не было никакихъ общественныхъ интересовъ, что, въ свою очередь, вредно отзывалось на мужчинахъ, которыхъ онѣ, по своей неразвитости, всегда старались отвлечь отъ опаснаго революціоннаго дѣла. Мой пріятель никогда не упускалъ случая «спропагандировать» женщину и всѣми силами старался заводить особые революціонные кружки между работницами. Своимъ товарищамъ онъ очень энергично, т. е., не отступая передъ употребленіемъ крѣпкаго слова внушалъ достойные развитыхъ людей взгляды на женщинъ. Занятый своей идеей, онъ, естественно, требовалъ помощи отъ революціонной литературы и сожалѣлъ, что она слишкомъ мало занимается женскимъ вопросомъ.

Замѣчу мимоходомъ, что этотъ горячій сторонникъ женскаго освобожденія принадлежалъ къ числу тѣхъ фабричныхъ, для которыхъ жизнь въ деревнѣ стала совершенно немыслимой. Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ еще очень молодымъ парнемъ, но считался уже «старымъ» революціонеромъ, такъ какъ былъ «спропагандированъ» еще Чайковцами. Въ 73 или въ 74 году совсѣмъ мальчикомъ попалъ онъ въ тюрьму, гдѣ прекрасно держалъ себя и пристрастился къ чтенію. По выходѣ на волю,

онъ не разъ ѣздилъ въ Тверскую губернію къ своимъ роднымъ, но ладу съ ними у него уже не было. Они называли его студентомъ и считали пропащимъ человѣкомъ. Онъ поражалъ ихъ и привычками, и взглядами, и непочтительнымъ отношеніемъ къ начальству. Впрочемъ, они утѣшали себя пословицей: женится—перемѣнится, и едва стукнуло ему 18 лѣтъ, «приглядѣли» ему невѣсту. А онъ какъ разъ въ это время увлекся женскимъ вопросомъ и не допускалъ даже мысли о томъ, что порядочный человѣкъ можетъ жениться на незнакомой женщинѣ. Чтобы избѣжать безполезныхъ столкновеній, онъ рѣшился совсѣмъ не заглядывать на родину. Родина съ своей стороны рѣшила, что парень въ конецъ избаловался; не знаю ужъ, согласились ли бы съ нею въ данномъ случаѣ наши народники.

Между работницами Петербурга было нѣсколько революціонерокъ, случались у нихъ даже стачки (на табачныхъ фабрикахъ), но вообше въ движеніи женщины стояли дѣйствительно на самомъ заднемъ планѣ. Нѣкоторые заводскіе рабочіе-революціонеры не женились прямо потому, что въ окружавшей ихъ средѣ не было подходящихъ для нихъ женщинъ. «Наши бабы совсѣмъ дуры, а интеллигентки за нашего брата не пойдутъ, имъ подавай студентовъ», не безъ горечи говаривали такіе рабочіе. Думаю, что и въ этомъ случаѣ въ нихъ сказывалось не городское «баловство», а серьезное нравственное развитіе.

Я вовсе не намѣренъ идеализировать условія современной городской жизни:—довольно ужъ мы упражнялись въ ложной идеализаціи. Я видѣлъ и знаю отрицательныя стороны этихъ условій. Попадая изъ деревни въ городъ, рабочій, иногда, дѣйствительно, начинаетъ «баловаться». Въ деревнѣ онъ жилъ по завѣту отцовъ, безъ разсужденій подчиняясь ихъ изстари установившимся обычаямъ. Въ городѣ обычаи эти сразу теряютъ смыслъ. Чтобы человѣкъ не лишился всякаго нравственнаго мѣрила, они необходимо должны замѣниться новыми обычаями, новыми взглядами на вещи. Такая замѣна постепенно и происходитъ въ дѣйствительности, такъ какъ уже одна неизбѣжная и повседневная борьба съ хозяиномъ налагаетъ на рабочихъ взаимныя нравственныя обязательства. Но «пока что», новичекъ-рабочій все-таки переживаетъ нравственный переломъ, выражающійся иногда въ довольно некрасивомъ поведеніи

Здѣсь повторяется то, что переживаетъ всякій общественный классъ, всякое общество при переходѣ отъ узкихъ патріархальныхъ порядковъ къ другимъ, болѣе широкимъ, но за то болѣе сложнымъ и болѣе запутаннымъ. Разсудочность вступаетъ въ свои права и, критикуя старую нравственность, позволяетъ себѣ подчасъ довольно некрасивыя вещи. Разсудокъ, конечно, способенъ ошибаться и чаще, и больше, чѣмъ вѣковѣчный обычай. За это онъ и проклинается всѣми охранителями. Но до тѣхъ поръ, пока люди будутъ итти впередъ, неизбѣжно останется и періодическая ломка обычаевъ. И какъ ни «балуется» иногда во время такой ломки разсудокъ, но его ошибокъ не поправишь охраненіемъ отжившихъ порядковъ. Поправляетъ ихъ обыкновенно дальнѣйшій ходъ самой жизни. Чѣмъ больше развиваются новые порядки, тѣмъ яснѣе становятся для всѣхъ и каждаго обусловленныя ими новыя нравственныя требованія, мало по малу пріобрѣтающія прочность обычая, который и сдерживаетъ затѣмъ излишнее «баловство» разсудка. Такимъ образомъ, отрицательныя стороны развитія устраняются его собственными положительными пріобрѣтеніями, и роль мыслящаго человѣка въ этомъ неизбѣжномъ историческомъ движеніи опредѣляется само собою.

Я зналъ одного молодого фабричнаго, который былъ вполнѣ честнымъ малымъ, пока его не коснулась революціонная пропаганда. Но какъ только ему сдѣлались извѣстными соціалистическія нападки на эксплуататоровъ, онъ началъ «баловаться», считая позволительнымъ обманывать и обкрадывать людей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ. «Все равно, у насъ же накрали», возражалъ онъ на упреки товарищей, которымъ откровенно показывалъ и предлагалъ братски раздѣлить попавшуюся подъ руку добычу. Будь извѣстенъ этотъ случай покойному Достоевскому, онъ, конечно, не преминулъ бы уколоть имъ глаза революціонерамъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», гдѣ вывелъ бы упомянутаго парня рядомъ съ Смердяковымъ, этой жертвой «интеллигентнаго» свободомыслія, или въ «Бѣсахъ», гдѣ, какъ извѣстно, «что ни шагъ, то ужасъ». Интересно, что сами товарищи, едва ли когда читавшіе произведенія Достоевскаго, стали звать вороватаго малаго Бѣсомъ. Но въ подвигахъ Бѣса они не винили ни интеллигенціи вообще, ни соціалистической пропаганды въ частности. Они своимъ

вліяніемъ старались, такъ сказать, додѣлать нравственную личность этого юноши и научить его бороться противъ высшихъ классовъ не въ качествѣ обманщика и вора, а въ качествѣ революціоннаго агитатора. Я скоро упустилъ Бѣса изъ виду и не знаю, разрѣшился ли въ благопріятную сторону переживавшійся имъ тогда нравственный переломъ. Но что благопріятный исходъ былъ вполнѣ возможенъ, за это ручается, между прочимъ, то негодованіе, которое вызывали его подвиги во всѣхъ окружавшихъ его рабочихъ-революціонерахъ.

III.

Въ настоящее время въ средѣ «интеллигенціи» много спорятъ о возможности революціонной пропаганды между рабочими. Я думаю, что всякій, кто хоть немного сталкивался съ русскими рабочими, знаетъ, какъ внимательно и какъ сочувственно относятся они къ этой пропагандѣ. Говорятъ, что пропаганда встрѣчаетъ теперь непреодолимыя препятствія со стороны полиціи. Но слишкомъ часто говорятъ эти люди, не давшіе себѣ труда сдѣлать хоть одну серьезную попытку въ этомъ направленіи. Иногда ссылаются, правда, и на «опытъ». Но опытъ опыту рознь. Безъ умѣнья невозможно никакое революціонное дѣло, а умѣлыхъ людей не остановитъ никакая полиція. Общество «Земля и Воля» во все время своего существованія вело дѣятельныя сношенія съ рабочими черезъ посредство нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ. И замѣчательно, что за все это время собственно рабочее дѣло привело у насъ *только къ одному*, да и то незначительному «провалу»: по доносу рабочаго арестованъ былъ въ 1878 г. нашъ товарищъ И., занимавшійся пропагандой на одной изъ московскихъ фабрикъ. Многочисленные аресты рабочихъ, имѣвшіе мѣсто весною того же года въ Петербургѣ, аресты, благодаря которымъ въ руки полиціи попались покойный Хазовъ («Дѣдушка») и нѣкоторые другіе наши товарищи, причинены были самой интеллигенціей. Именно, «нелегально» жившій тогда въ Москвѣ Хазовъ попросилъ студентовъ Петровской академіи спрятать кое-какія «конспиративныя» бумаги. Тѣ зарыли порученный имъ пакетъ въ академическомъ саду, но зарыли, какъ оказалось, не хо-

рошо и не глубоко. Какая-то не кстати любопытная собака вырыла его изъ подъ земли, а какой-то, къ сожалѣнію, слишкомъ проницательный вѣрноподданный, ознакомившись съ его содержимымъ, представилъ его по начальству. Неожиданная находка оказалась настояшимъ кладомъ для полиціи, которая тотчасъ арестовала Хазова и коекого изъ его московскихъ друзей. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти аресты дали поводы для новыхъ; «провалы» распространились на Петербургъ, гдѣ особенно пострадали многочисленные и хорошо сплоченные рабочіе кружки Галерной Гавани; наши потери были тогда очень серьезны, но мы понимали, что должны винить самихъ себя, а не рабочихъ.

Въ сношеніяхъ съ рабочими «землевольцы» всегда держались слѣдующихъ пріемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе «рабочаго дѣла» (ихъ всегда было немного, самое большее: 4—5 человѣкъ), обязаны были составить особые кружки изъ молодыхъ революціонеровъ. Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу «Земля и Воля», но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы. Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими. Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 1873—74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача «землевольцевъ» и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. «Старые», по большей части уже испытанные революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которымъ и сносилась, главнымъ образомъ, «интеллигенція». На этихъ людей мы вполнѣ могли положиться: нелѣпо было бы бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, «землевольцы» и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ, (т. е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими: адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное, имя, подъ которымъ

онъ проживалъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ одной и той-же отраслью революціоннаго дѣла; остальные занятые другими революціонными спеціальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ ними на „конспиративной“ квартирѣ, гдѣ происходили общія кружковыя собранія. На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла этихъ мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п. Каждый мѣстный кружокъ собственными силами долженъ былъ привлекать себѣ новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центральнаго рабочаго ядра, каждое воскресенье сходившимся на общее собраніе. Революціонеры-интеллигенты являлись съ цѣлью пропаганды и на собранія мѣстныхъ кружковъ. Но такъ какъ тамъ они извѣстны были подъ вымышленными именами, то если-бы туда и забрался какой-нибудь шпіонъ, онъ могъ-бы донести „пославшимъ его“ только о томъ, что какой-то Ѳедорычъ, или Антонъ, или „Дѣдушка“ въ томъ-то мѣстѣ и въ такомъ-то часу потрясалъ основы, а гдѣ искать этого Ѳедорыча, или Антона, или „Дѣдушку“, оставалось покрыто мракомъ неизвѣстности. Прослѣдить же на улицѣ кого нибудь изъ этихъ потрясателей было не такъ-то легко, потому что они на сей конецъ прибѣгали къ особымъ мѣрамъ, въ видѣ проходныхъ дворовъ, извощика, внезапно взятаго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ другого извощика не было, и гдѣ такимъ образомъ слѣдовавшій за потрясателемъ пѣшій шпіонъ по необходимости долженъ былъ отстать отъ него и проч. и проч. При подобныхъ предосторожностяхъ мы могли благополучно заниматься своимъ дѣломъ даже въ самыя жестокія времена, когда не принадлежавшіе къ организаціямъ революціонеры (нигилисты, какъ называли мы ихъ на своемъ жаргонѣ) за самомалѣйшіе пустяки десятками попадались въ руки бдительныхъ аргусовъ.

Уже къ концу 1876 года, когда землевольцы только еще приступали къ устройству революціонныхъ „поселеній

въ народѣ“, пропаганда между рабочими приняла довольно широкіе размѣры, какъ въ Петербургѣ (въ Галерной Гавани, на Васильевскомъ Островѣ, на Петербургской и на Выборгской сторонахъ, на Обводномъ Каналѣ, за Невской и Нарвской заставами), такъ и въ его окрестностяхъ (въ Колпинѣ, на Александровской мануфактурѣ, въ Кронштадтѣ, и т. д.). Но я уже сказалъ, что бунтари не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотѣли *агитировать.* Наше настроеніе увлекло, наконецъ, и рабочихъ. Въ то время у всѣхъ была въ памяти демонстрація, ознаменовавшая весною 1876 г. похороны убитаго тюрьмой студента Чернышева. Она произвела очень сильное впечатлѣніе на всю интеллигенцію, и все лѣто того года мы, что называется, бредили демонстраціями. Но въ Чернышовской демонстраціи рабочіе не принимали участія, такъ какъ произошла она въ будни, да и подготовители ея какъ-то не вспомнили о рабочихъ. И вотъ рабочимъ захотѣлось сдѣлать *свою* демонстрацію, и притомъ такую, которая своимъ рѣзко-революціоннымъ характеромъ совершенно затмила-бы демонстрацію „интеллигенціи“. Они увѣряли насъ, что если хорошо взяться за дѣло и выбрать для демонстраціи праздничный день, то на нее соберется до 2000 рабочихъ. Мы сомнѣвались въ этомъ, но бунтарская жилка заговорила въ каждомъ изъ насъ, и мы сдались. Такъ произошла извѣстная Казанская демонстрація 6 (18) Декабря 1876 года.

Теперь о Казанской демонстраціи совсѣмъ забыли. Даже самъ г. Драгомановъ, любившій когда-то упрекнуть ею революціонеровъ, вспоминаетъ о ней все рѣже и рѣже. Но въ свое время она возбудила много толковъ и споровъ. Одни осуждали, другіе превозносили ее, хотя очень часто и тѣ, и другіе имѣли о ней совершенно ошибочное понятіе. Для „интеллигенціи“ цѣль демонстраціи такъ и осталась невыясненной, вѣроятно, потому, что въ ея подготовленіи „интеллигенція“ принимала участіе только въ лицѣ немногихъ землевольцевъ, дѣйствовавшихъ въ рабочихъ кварталахъ Петербурга. Эти люди употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы привлечь на нее какъ можно больше рабочихъ, но объ интеллигенціи, насколько мнѣ извѣстно, они думали мало: придетъ, молъ, и безъ зова, а не придетъ—бѣда не велика, пожалуй, даже лучше будетъ:

выйдетъ чисто рабочая демонстрація. Тѣмъ не менѣе, утромъ 6-го декабря у Казанскаго собора собралось много учащейся молодежи. Произошло это, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ, потому, что уже въ теченіе всего ноября по Петербургу ходили слухи о какой-то демонстраціи, имѣющей произойти около Исакія, и публика была уже подготовлена. Кто задумалъ эту демонстрацію и какой характеръ собирались придать ей мы, землевольцы, хорошенько не знали, хотя, разумѣется, явились бы къ Исакію, если бы тамъ, дѣйствительно, что-нибудь произошло. Но этой демонстраціи не суждено было состояться, она все какъ-то откладывалась отъ одного праздника до другого, такъ что нетерпѣливые „нигилисты“ начали, наконецъ, сердиться. О демонстраціи у Исакія стали говорить не иначе, какъ съ ироніей. Не желая, чтобы публика смѣшала насъ съ этими медлителями, мы нарочно выбрали другое мѣсто—Казанскій соборъ—для *нашей* демонстраціи. И все-таки, когда въ публику проникли слухи о нашихъ замыслахъ, многіе рѣшили, что предстоящая Казанская демонстрація и есть та, которая должна была произойти у Исакія. Давно жаждавшая сильныхъ впечатлѣній революціонная молодежь отовсюду повалила къ Казанскому собору и, сравнительно съ рабочими, оказалась тамъ, вопреки нашимъ первоначальнымъ разсчетамъ, въ большинствѣ.

Рабочихъ пришло немного: 200—250 человѣкъ. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавшихъ къ революціоннымъ кружкамъ рабочихъ, демонстрація имѣла смыслъ агитаціонной попытки, то для ихъ незатронутыхъ пропагандой товарищей она могла быть интересна развѣ лишь, какъ новое, невиданное зрѣлище. Для дѣятельнаго участія въ ней у нихъ не было никакого осязательнаго повода. Поэтому они и не пошли на нее. Еще за нѣсколько дней до демонстраціи мы увидѣли, какъ несбыточны были розовыя надежды задумавшихъ ее революціонныхъ рабочихъ кружковъ. Но отступать было уже поздно. Мы всѣ видѣли, какъ смѣшны стали въ глазахъ публики слишкомъ осторожные организаторы Исакіевской демонстраціи и не хотѣли уподобляться имъ. Вечеромъ 4-го декабря, собраніе, на которомъ, кромѣ насъ, землевольцевъ, были вліятельнѣйшіе рабочіе съ разныхъ концовъ Петербурга, почти единогласно рѣшило, что демонстрація должна состояться

если на нее соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. На этомъ же собраніи была предложена и одобрена мысль о красномъ знамени, о которомъ прежде никто не думалъ.

Вышитую на этомъ знамени надпись: „*Земля и Воля*“, мы считали наилучшимъ выраженіемъ народныхъ идеаловъ и требованій. Но именно народу-то, по крайней мѣрѣ, столичному народу, она и оказалась непонятной. „Какъ же это такъ - разсуждали потомъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ— они хотѣли земли и воли? Земля-то это такъ, земли точно надо бы дать крестьянамъ, а воля-то вѣдь ужъ дана. Въ чемъ же тутъ дѣло?“ Вышло, что съ своимъ девизомъ „Земля и Воля“ мы опоздали по меньшей мѣрѣ на пятнадцать лѣтъ. Впрочемъ, мѣстами въ крестьянствѣ слышались на этотъ счетъ другіе отзывы. Жившій въ Малороссіи товарищъ разсказывалъ мнѣ, что разъ при немъ между крестьянами зашла рѣчь о Казанской демонстраціи. „Они хорошаго хотѣли, замѣтилъ одинъ старикъ, этого всѣ хотятъ, намъ всѣмъ нужна земля и воля“. Тотъ же старикъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, что революціонеровъ могутъ преслѣдовать за столь справедливыя требованія.—Ничего имъ не было, утверждалъ онъ, просто царь призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ: подождите, хлопцы, будетъ вамъ и земля, и воля, только не надо объ этомъ кричать на улицахъ“. Вообще, о Казанской демонстраціи такъ или иначе заговорила вся Россія.

Но какъ произошла самая демонстрація? Я сказалъ, что собраніе четвертаго декабря рѣшило не откладывать ее, если соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. Весь слѣдующій день былъ посвященъ нами на бѣготню по рабочимъ кварталамъ. Утромъ шестого Декабря на мѣсто дѣйствія пришли всѣ «бунтарскіе» рабочіе кружки (лавристы были, разумѣется, противъ демонстраціи). Въ особенности хорошо были представлены гаваньскіе рабочіе: съ одного изъ гаваньскихъ заводовъ пришла въ полномъ составѣ цѣлая мастерская въ 40—45 человѣкъ. Но постороннихъ рабочихъ совсѣмъ не было. Мы видѣли, что силъ у насъ слишкомъ мало и рѣшились выжидать. Рабочіе разошлись по ближайшимъ трактирамъ, оставивъ у соборной паперти только небольшую кучку для наблюденія за ходомъ дѣлъ. Между тѣмъ, учащаяся молодежь подходила большими группами, Находившаяся въ церкви, очень впрочемъ малочисленная.

публика уже къ концу обѣдни была поражена страннымъ наплывомъ совершенно необычныхъ богомольцевъ. Церковный староста посматривалъ въ ихъ сторону съ какимъ-то тревожнымъ удивленіемъ. Обѣдня кончилась, странные богомольцы не расходились. Тогда староста вступилъ съ ними въ переговоры. «Что вамъ угодно, господа?»—спросилъ онъ, какъ нарочно подойдя къ группѣ бунтарей.

— Желаемъ отслужить панихиду—отвѣчали ему.

— Нельзя сегодня служить панихиду: царскій день.

Бунтари изумились. Собственно, въ планъ демонстраціи богослуженіе вовсе не входило, но такъ какъ революціонная публика все продолжала прибывать, и бунтарямъ нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто, какъ благовидный предлогъ для дальнѣйшаго пребыванія въ церкви. Когда староста разъяснилъ имъ, что нельзя служить панихиду, они недолго оставались въ смущеніи.

— Я пойду закажу молебенъ—шепнулъ мнѣ покойный Сентянинъ.

— Идите, заплатите попамъ за нашъ постой—отвѣтилъ я, подавая ему трехрублевую бумажку.

Сентянинъ пошелъ. Но я и до сихъ поръ не знаю, на чемъ онъ порѣшилъ съ попами. Соскучившіеся «нигилисты» стали выходить на паперть, изъ сосѣднихъ трактировъ подошли засѣдавшіе тамъ бунтари-рабочіе. Толпа приняла довольно внушительные размѣры. Мы рѣшились дѣйствовать.

До властей, вѣроятно, дошли слухи о нашихъ приготовленіяхъ. Но на Казанской площади полицейскихъ и жандармовъ было немного. Они смотрѣли на насъ и «ждали поступковъ». Когда раздались первыя слова революціонной рѣчи, они попытались было протискаться къ говорившему, но ихъ сейчасъ же оттѣснили назадъ. Всѣ участники демонстраціи пришли въ страшное возбужденіе. Рабочіе плотнымъ кольцомъ сомкнулись вокругъ говорившаго. „Ребята, держись тѣснѣй, не выдавай, не подпускай полиціи“, командовалъ Митрофановъ, между тѣмъ какъ полицейскіе свистки оглашали площадь. Когда рѣчь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: „да здравствуетъ соціальная революція, да здравствуетъ Земля и Воля!“ Митрофановъ быстро сдернулъ шапку съ говорившаго и, надѣвши на него какую-то фуражку, закуталъ

башлыкомъ его голову. „Теперь пойдемъ всѣ вмѣстѣ, иначе будутъ арестовывать“, закричали какіе-то голоса, и мы толпой двинулись по направленію къ Невскому. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ полиція, подкрѣпленная сбѣжавшимися на свистки городовыми и околодочными, стала хватать шедшихъ въ заднихъ рядахъ. Тутъ общее возбужденіе дошло до послѣдней степени. Кто-то скомандовалъ: „стой, нашихъ берутъ“, и толпа бросилась отбивать арестованныхъ. Полицейскіе были смяты и побѣжали за соборъ, въ Казанскую улицу. Если бы, отразивъ этотъ первый непріятельскій натискъ, революціонеры выказали больше самообладанія, то они, вѣроятно, смогли бы отступить безъ потерь и въ полномъ порядкѣ. Землевольцы понимали это, и какъ только арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика снова сомкнулась въ тѣсные ряды. Но кому изъ принимавшихъ когда нибудь участіе въ подобныхъ столкновеніяхъ неизвѣстно, какъ трудно ввести въ надлежащія границы разъ прорвавшіяся наружу страсти. Публика продолжала преслѣдовать обращенную въ бѣгство полицію. Произошелъ страшный безпорядокъ, наши ряды совсѣмъ разстроились; между тѣмъ къ полицейскимъ явилось новое и сильное подкрѣпленіе. Цѣлый отрядъ городовыхъ въ сопровожденіи множества дворниковъ быстро приближался къ площади по той самой Казанской улицѣ, къ которой направились бѣжавшіе полицейскіе. Увлекшись преслѣдованіемъ, революціонеры столкнулись съ этимъ отрядомъ лицомъ къ лицу. Началась жесточайшая свалка. Силы полиціи ежеминутно возрастали. Революціонеровъ окружали со всѣхъ сторонъ. Стройное отступленіе сдѣлалось для нихъ совершенно невозможнымъ. Хорошо было уже и то, что они могли отступать болѣе или менѣе значительными кучками. Такія кучки по большей части успѣшно, хотя и не безъ значительныхъ тѣлесныхъ поврежденій, отбивались отъ нападавшихъ. Но за то тѣхъ, которые дѣйствовали въ одиночку, тотчасъ хватали и, послѣ звѣрскихъ побоевъ, тащили въ участки.

У меня нѣтъ охоты воспѣвать подвиги чьихъ бы то ни было кулаковъ. Но въ виду звѣрства, проявленнаго тогда полиціей, я не безъ удовольствія замѣчу, что и ей досталось очень порядочно. Революціонеры, изъ которыхъ нѣкоторые были вооружены кастетами, отчаянно защищались. Съ ихъ

стороны въ особенности отличился тогда студентъ N. Высокій и сильный, онъ поражалъ непріятелей какъ пылкій Аяксъ, сынъ Теламона, и тамъ, гдѣ появлялась его плечистая фигура, защитникамъ порядка приходилось жутко. Какъ ни старалась схватить его полиція, онъ счастливо отбилъ всѣ нападенія и возвратился домой такимъ же «легальнымъ» человѣкомъ, какъ и пришелъ на площадь. Пострадавшіе отъ него защитники «порядка» знали только, что ихъ тузилъ какой-то высокій и сильный брюнетъ, но лица его они, очевидно, не запомнили. Когда потомъ, уже по окончаніи столкновенія на площади, имъ встрѣтился на Морской Боголюбовъ, они вообразили, что онъ то и есть ихъ свирѣпый непріятель. Боголюбова схватили, жестоко избили въ участкѣ, а потомъ, какъ извѣстно, осудили на каторгу. Но Боголюбовъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ демонстраціи.

Когда, по произнесеніи рѣчи, развернули красное знамя, его схватилъ молодой крестьянинъ Потаповъ и, поднятый на руки рабочими, нѣкоторое время держалъ его высоко надъ головами присутствующихъ. Полиція замѣтила его физіономію, однако арестовать его ей долго не удавалось. Защищавшая его группа рѣшительныхъ и смѣлыхъ людей медленно отступала по Невскому. Она дошла до угла Садовой. Преслѣдованіе постоянно ослабѣвало и, наконецъ, повидимому, совершенно прекратилось. Тогда Потаповъ сѣлъ въ конку, считая себя уже въ безопасности. Но за нимъ слѣдили шпіоны. Пока онъ былъ не одинъ, они держались въ почтительномъ разстояніи, а когда спутники его удалились, шпіоны бросились за конкой и, остановивъ ее, арестовали Потапова. На немъ нашли знамя, которое само по себѣ составляло неопровержимую улику. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ Потапова лишь къ заключенію въ монастырь «на покаяніе». Сравнительная мягкость этого страннаго приговора объяснялась будто бы молодостью Потапова. Но извѣстно, что въ русскихъ политическихъ процессахъ судьи не стѣснялись осуждать на каторжныя работы, а потомъ, въ военныхъ судахъ, даже на смерть очень молодыхъ подсудимыхъ. Въ данномъ случаѣ умыселъ былъ другой. Правительство рѣшилось щадить рабочихъ. На скамью подсудимыхъ изъ нихъ попало 10—12 человѣкъ, и всѣмъ имъ вынесенъ былъ довольно мягкій приговоръ: нѣкоторыхъ,

подобно Потапову, приговорили къ монастырскому покаянію, другихъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, подсудимые же изъ интеллигенціи пошли по большей части въ каторгу и при томъ на очень долгіе, неслыханные до тѣхъ поръ, сроки. Судьи не могли не видѣть, что виновность почти всѣхъ подсудимыхъ этой категоріи по меньшей мѣрѣ сомнительна. У двухъ арестованныхъ рабочихъ найдены были записки, которыя, по замѣчанію прокурора, «ясно указывали на сговоръ»; онѣ, дѣйствительно, ясно указывали на него, но не менѣе ясно было и то, что никто изъ преданныхъ суду «интеллигентныхъ» революціонеровъ въ этомъ сговорѣ не участвовалъ. Третье отдѣленіе хорошо знало, что главные подготовители демонстраціи арестованы не были. Но судъ не смутился этимъ, отомстивъ арестованнымъ за дѣйствія скрывшихся. Извѣстно, что правительство всегда установляло въ такихъ случаяхъ родъ круговой поруки между революціонерами. Но ему слишкомъ непріятна была та мысль, что въ средѣ рабочихъ могутъ быть такіе же неисправимые «бунтовщики», какъ и въ средѣ «интеллигенціи». Оно старалось увѣрить себя, что лишь подъ дурнымъ вліяніемъ этой послѣдней рабочіе перестаютъ быть вѣрнымъ подданными монарха и очень неохотно сажало ихъ на скамью подсудимыхъ, предпочитая расправляться съ ними административнымъ порядкомъ. Это было очень благоразумно. Пока въ качествѣ политическихъ преступниковъ выступали только представители интеллигенціи, можно было увѣрять крестьянъ, что преступники эти были барами, злившимися на царя за уничтоженіе крѣпостного права. По отношенію къ преступникамъ изъ рабочей среды подобныя увѣренія сразу лишались всякаго смысла, и образъ «бунтовщика» долженъ былъ принимать, совершенно новый, очень непріятный для правительства, видъ въ народномъ воображеніи. Правительство очень хорошо понимало, какой невыгодный для него оборотъ приметъ революціонное движеніе, если, не ограничиваясь одной интеллигенціей, оно увлечетъ хоть нѣкоторые слои народа.

Казанская демонстрація была первой попыткой практическаго примѣненія нашихъ понятій объ агитаціи. Понятія эти были въ то время еще слишкомъ отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачнымъ ихъ практическое примѣненіе. Казанская демонстрація наглядно пока-

зала, что мы всегда будемъ оставаться одни, если въ своей революціонной дѣятельности будемъ руководствоваться лишь своимъ отвлеченнымъ пристрастіемъ къ «агитаціи», а не существующимъ настроеніемъ и данными насущными нуждами той среды, въ которой собираемся агитировать.

Мы не забыли этого урока, но прошло болѣе года прежде, чѣмъ намъ представился случай снова взяться за агитацію въ средѣ петербургскаго рабочаго населенія. Это былъ очень печальный случай. На Василеостровскомъ патронномъ заводѣ произошелъ взрывъ пороха. Нѣсколькихъ рабочихъ страшно изуродовало, четырехъ убило на мѣстѣ. На другой день умерли отъ тяжелыхъ ранъ еще двое. Такимъ образомъ, рабочимъ этого завода предстояло провожать на Смоленское кладбище шестерыхъ товарищей. Взрывъ произошелъ по непростительной винѣ заводскаго начальства. Пострадавшая мастерская помѣщалась во второмъ этажѣ и сообщалась съ внѣшнимъ міромъ одной только лѣстницей. Какъ разъ при входѣ въ мастерскую, около лѣстницы, лежалъ въ особомъ чуланѣ довольно значительный запасъ прессованнаго пороха, изъ котораго приготовлялись патроны. Когда этотъ порохъ обтачивался на станкахъ, отъ него поднималась мелкая пыль, покрывавшая станки, полъ и стѣны мастерской. Достаточно было одной искры, чтобы эта пыль вспыхнула и, донеся огонь до помѣщавшагося у лѣстницы порохового чулана, отрѣзала рабочимъ всякій путь къ спасенію. Рабочіе тѣмъ лучше сознавали грозившую имъ опасность, что искры часто получались во время работы отъ тренія. Иногда отъ этихъ искръ вспыхивала даже покрывавшая станки пороховая пыль. Но такъ какъ до поры до времени вспышки были незначительны, то начальство и полагалось на милость Божію. Заявленія рабочихъ оставались безъ вниманія. Понятно, что когда произошелъ взрывъ, всѣ рабочіе этого завода были сильно озлоблены. Существовавшій тамъ революціонный кружокъ тотчасъ увидѣлъ, что ему слѣдуетъ дѣйствовать. Кто-то изъ его членовъ написалъ воззваніе, въ которомъ происшедшій на заводѣ несчастный случай ставился въ связи съ общимъ положеніемъ рабочаго класса. Воззваніе это, напечатанное въ нашей тайной типографіи, произвело хорошее впечатлѣніе, его съ сочувствіемъ читали даже и такіе рабочіе, кото-

рыхъ прежде никто не замѣчалъ въ сочувствіи къ революціонерамъ. Но этого было мало. Революціонный кружокъ патроннаго завода хотѣлъ придать предстоящимъ похоронамъ характеръ демонстраціи.

Этотъ кружокъ не находился подъ исключительнымъ вліяніемъ «бунтарей». Сносясь съ «бунтарями», онъ поддерживалъ постоянныя дружескія сношенія и съ лавристами. Но ему было хорошо извѣстно отрицательное отношеніе лавристовъ ко всякаго рода «бунтовскимъ попыткамъ»; онъ боялся, что тѣ не одобрятъ мысли о демонстраціи. Очень непріятно было рабочимъ огорчать друзей—лавристовъ, но отказаться отъ демонстраціи было еще непріятнѣе. Вслѣдствіе этого они пустились на хитрость. Пригласивъ бунтарей притти на похороны, они настоятельно просили ихъ ничего не сообщать лавристамъ. «Богъ съ ними совсѣмъ, говорили они, лавристы—люди хорошіе, но пойдутъ спорить, доказывать, что мы затѣяли пустое, а намъ послушаться ихъ нельзя, очень ужъ возбуждены всѣ рабочіе». Бунтари не имѣли ни малѣйшей охоты выдавать ихъ лавристамъ.

Въ день похоронъ, часовъ въ девять утра, хорошо вооруженная группа бунтарей, въ числѣ ихъ покойный Осинскій, подошла къ зданію патроннаго завода, передъ котоtымъ собралась уже большая толпа рабочихъ. Къ бунтарямъ тотчасъ присоединились члены заводскаго рабочаго кружка, тоже вооружившіеся на «всякій случай». Покойный Халтуринъ, работавшій въ то время на другомъ заводѣ, также пришелъ на похороны. Начались совѣщанія; каково настроеніе рабочихъ, что именно могутъ сдѣлать здѣсь революціонеры. Бунтари находили, что выступать съ революціонной рѣчью было бы неумѣстно. Одѣтая по праздничному рабочая толпа показалась имъ слишкомъ „буржуазною". И это впечатлѣніе было такъ сильно, что оно сообщилось не только тѣмъ „интеллигентамъ", которые, „занимаясь" съ заводскими рабочими, казалось бы знали ихъ привычки, но—странно сказать—даже членамъ мѣстнаго рабочаго кружка. Тѣ тоже сильно упали духомъ.

Показались гробы; присутствующіе сняли шапки, и началось похоронное шествіе. Въ тотъ день былъ жестокій морозъ, еще болѣе охлаждавшій наши революціонные порывы. «Нѣтъ, господа, революцію нужно дѣлать лѣтомъ,

въ этакой холодъ никого не расшевелишь», говорили мы, оттирая побѣлѣвшіе носы и уши.

Но вотъ и кладбище. Въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ отъ входа угловъ его вырублено было въ промерзшей землѣ шесть свѣжихъ могилъ, около которыхъ лежали скромные деревянные кресты. Полиція, все время сопровождавшая шествіе въ довольно значительномъ количествѣ и усиленная новымъ отрядомъ городовыхъ у входа на кладбище, стала вокругъ могилъ; священникъ пропѣлъ послѣднюю молитву; гробы опустили въ землю. Пока ихъ зарывали, толпа оставалась вполнѣ спокойной, и мы совсѣмъ убѣдились, что съ ней ничего не подѣлаешь. Но когда все было кончено и настало время расходиться, въ ней началось какое-то движеніе. Незнакомый намъ полный, рыжій рабочій протискался къ одной изъ крайнихъ могилъ.

— Господа, — воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Мы хоронимъ сегодня шесть жертвъ, убитыхъ не турками *), а попечительнымъ начальствомъ. Наше началь...

Его прервали.

Раздались полицейскіе свистки, и околодочный надзиратель положилъ ему руку на плечо со словами: «я васъ арестую». Но едва успѣлъ онъ выговорить это, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на насъ безнадежное впечатлѣніе своею будто бы буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопѣвшихъ полицейскихъ. Въ одно мгновеніе арестованный былъ куда-то далеко унесенъ нахлынувшей рабочей волной, а хотѣвшій взять его околодочный не совсѣмъ твердымъ голосомъ извинялся передъ публикой.

— Вѣдь я же не могу иначе, господа, я самъ отвѣчаю за безпорядки передъ начальствомъ.

— Разсказывай! Вотъ мы тебя вздуемъ, такъ ты впередъ не будешь соваться куда не слѣдуетъ!—отвѣчали ему изъ толпы.

— Бей его!—кричали наиболѣе ожесточенные.

Положеніе полиціи становилось критическимъ. Здѣсь, на далекомъ Смоленскомъ кладбищѣ, она была совершенно без-

---

*) Это было во время русско-турецкой войны.

сильна передъ этой тысячью разъяренныхъ рабочихъ. Но ее спасло именно ея очевидное для всѣхъ безсиліе.

— Братцы, что жъ мы ихъ будемъ бить,—сказалъ чей-то голосъ.—Насъ много, ихъ мало, стыдно намъ съ ними связываться. Пускай себѣ идутъ по домамъ; никого изъ насъ они тронуть не посмѣютъ.

Эта, не то дипломатическая, не то дѣйствительно великодушная рѣчь нѣсколько успокоила рабочихъ. Крики поутихли: публика перестала угрожать полиціи побоями, но съ другой стороны не хотѣла и отпустить ее съ миромъ, такъ какъ боялась, что она прослѣдитъ и арестуетъ оратора. Толпа раздѣлилась на дѣ части одна окружила полицейскихъ, другая сплотилась вокругъ оратора и торжественно повела его къ воротамъ. Онъ, повидимому, никакъ не ожидалъ такой чести и сконфуженно посматривалъ на товарищей, шумно выражавшихъ ему свое сочувствіе. Всѣ они громко ругали начальство и полицію. Мнѣ особенно бросилась въ глаза худая, маленькая, старушка, которая, ни къ кому не обращаясь въ частности и какъ будто разговаривая сама съ собою, съ жаромъ повторяла, что надо постоять за своего человѣка. И толпа несомнѣнно готова была постоять за него, но ее, по ея неопытности, могли перехитрить шпіоны. Бунтари нашли нужнымъ подать ей благоразумный совѣтъ. У главныхъ воротъ кладбища стояло, въ ожиданіи сѣдоковъ, нѣсколько извощиковъ. Одному изъ нихъ революціонеры посадили въ сани пытавшагося говорить рабочаго, а всѣмъ остальнымъ запретили двигаться съ мѣста. Для большей вѣрности лошадей взяли подъ уздцы. Такимъ образомъ, ни одинъ шпіонъ не могъ послѣдовать за ораторомъ, быстро уѣзжавшимъ въ сопровожденіи двухъ надежныхъ людей. Когда къ воротамъ подошла остальная, конвоировавшая полицію, часть толпы, онъ уже совсѣмъ скрылся изъ виду. Полицейскихъ продолжали, однако, держать въ плѣну, отпуская на ихъ счетъ различныя, теперь уже по большей части добродушно-шутливыя замѣчанія. Но они едва не испортили дѣла излишнимъ рвеніемъ. Очутившись за воротами, одинъ околодочный, тотъ самый, который прервалъ оратора, выхватилъ изъ кармана свистокъ и быстро поднесъ его къ губамъ, чтобы звать къ себѣ на помощь. Публика снова заволновалась. У него вырвали свистокъ и нѣсколько разъ

толкнули довольно сильно. Ему оставалось только ругаться. «Это бунтъ, кричалъ онъ въ безсильной ярости, вы всѣ отвѣтите за это, это вамъ такъ не пройдетъ!»

— А ты бы лучше помалкивалъ, покуда бока цѣлы,—наставительно отвѣчали ему рабочіе.

— Нечего мнѣ молчать, я исполняю свою обязанность, а вы—бунтовщики,—горячился онъ, и вдругъ, обращаясь къ группѣ бунтарей, замѣтилъ, что онъ всѣхъ ихъ видѣлъ еще на Казанской площади.

— Очень пріятно встрѣтиться со старымъ знакомымъ,— любезно отвѣтили бунтари, надѣемся, что это не въ послѣдній разъ.

Рабочіе разсмѣялись. Околодочный пожалъ плечами и умолкъ, изобразивъ на своемъ лицѣ полнѣйшее негодованіе.

— Ну что жъ, пора ихъ и отпустить, пусть пойдутъ домой погрѣются,—рѣшила публика, и стала расходиться кучками по двадцати-тридцати человѣкъ, оживленно толкуя обо всемъ случившемся. Только самые непримиримые продолжали еще бранить и даже толкать въ спину размѣщавшихся по извозчичьимъ санямъ околодочныхъ. Наконецъ, ушли и непримиримые, и Смоленское кладбище приняло свой обычный пустынный видъ.

Дружный отпоръ, данный полиціи рабочими патроннаго завода, произвелъ прекрасное впечатлѣніе, какъ на рабочіе кружки Петербурга, такъ и на «бунтарскую» интеллигенцію. Онъ доказывалъ, что даже незатронутые пропагандой рабочіе вполнѣ способны къ рѣшительному и единодушному дѣйствію, и въ подходящую минуту не испугаются союза съ «бунтовщиками Казанской площади», т. е. съ революціонерами. Намъ нужно было только не упускать такихъ минутъ, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе рабочей массы. Когда въ мартѣ того же года вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, мы были увѣрены, что легко сговоримся съ нею.

Первая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ вызвана была, въ мартѣ 1878 г., значительнымъ пониженіемъ заработной, поштучной, платы и длиннымъ рядомъ «новыхъ правилъ», цѣлью которыхъ являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевленіе рабочей силы. На этой фабрикѣ существовалъ небольшой революціонный кружокъ

изъ 10—12 человѣкъ, недавно привлеченныхъ, неопытныхъ и мало испытанныхъ. Душою кружка былъ нелегальный унтеръ-офицеръ Гоббстъ, впослѣдствіи, въ іюлѣ 1879 г., повѣшенный въ Кіевѣ, а въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, усердно разыскиваемый полиціей по дѣлу о пропагандѣ въ войскахъ Одесскаго военнаго округа. Гоббстъ былъ не только вполнѣ надежный, но положительно рѣдкій человѣкъ. Онъ одинъ стоилъ иного кружка. Однако, съ фабричной средой онъ не успѣлъ хорошенько познакомиться, да при томъ на фабрикѣ онъ не работалъ, а жилъ по сосѣдству съ нею въ качествѣ сапожника-хозяина единственной въ той мѣстности «конспиративной» квартиры. Такимъ образомъ, непосредственнаго вліянія на рабочую массу онъ не имѣлъ. Ко всему этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядильнѣ—самой большой изъ фабрикъ Обводнаго канала, занимавшей болѣе двухъ тысячъ человѣкъ—работали тогда, какъ нарочно, все «сѣрые» люди, недавно попавшіе въ столицу и въ цѣлости сохранившіе свои деревенскіе предразсудки. Можно представить себѣ, поэтому, тѣ препятствія, которыя должны были встрѣтиться революціонерамъ при ихъ попыткѣ войти въ сношенія со стачечниками.

Когда извѣщенные Гоббстомъ «землевольцы» явились на его конспиративную квартиру, дѣло обстояло такъ. Рабочіе были вполнѣ увѣрены, что «начальство» немедленно вступится за нихъ, какъ только пойметъ смыслъ «новыхъ правилъ». Разубѣдить ихъ въ этомъ не было никакой возможности, Приходилось уступить ихъ наивной увѣренности, предоставивъ имъ изъ опыта узнать, какъ велика заботливость русскаго «начальства» о нуждахъ рабочаго класса. Ближайшимъ къ стачечникамъ представителемъ власти былъ мѣстный полицейскій приставъ. Къ нему-то и обратились они прежде всего со своими жалобами. Приставъ оказался большимъ дипломатомъ. Чтобы выиграть время, онъ ласково принялъ «ходоковъ» и обѣщалъ имъ «переговорить» съ управляющимъ фабрики. Простодушные рабочіе заранѣе торжествовали побѣду. Но прошелъ день, другой, фабричные станки бездѣйствовали, мелочныя лавки стали отказывать стачечникамъ въ кредитѣ, а управляющій не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ уступкамъ. Что же это могло значить? Неужели приставъ не «переговорилъ»

съ нимъ? Снова отправились «ходоки» въ участокъ, но на этотъ разъ ихъ приняли тамъ не по прежнему: приставъ находилъ, что рабочіе *обязаны* подчиниться новымъ правиламъ, «бунтовщикамъ» же грозилъ строгимъ наказаніемъ. Стачечники усмотрѣли изъ этого, что онъ «снюхался» съ управляющимъ, и рѣшили «итти выше», т. е. къ градоначальнику. Нечего и говорить, что тотъ сдѣлалъ для нихъ не больше, чѣмъ приставъ. Тогда поднялись толки о подачѣ прошенія наслѣднику.

На все это ушло съ недѣлю, а за недѣлю революціонеры успѣли уже довольно хорошо сойтись со стачечниками. Съ самаго начала стачки рабочіе замѣтили, что каждый разъ, когда они собирались большой толпой, между ними появлялись какіе-то незнакомые люди, одѣтые не совсѣмъ по фабричному, пожалуй даже вообще смахивавшіе на «студентовъ», но неизмѣнно тянувшіе ихъ руку. Эти люди подали уже не мало дѣльныхъ совѣтовъ. Они говорили, что не зачѣмъ ходить ни къ приставу, ни къ градоначальнику. Ихъ не послушались, а вышло по ихнему. Семейнымъ стачечникамъ, на которыхъ въ особенности тяжело отзывалась пріостановка работы, а слѣдовательно и прекращеніе заработка, раздавались денежныя пособія, раздавались, правда, своими же фабричными, но откуда у тѣхъ возьмутся деньги? Догадаться не трудно: деньги даютъ тѣ же таинственные люди. Довѣріе стачечниковъ къ революціонерамъ росло съ каждымъ днемъ. До какой степени дорожила рабочая масса ихъ неожиданной поддержкой, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Однимъ изъ самыхъ бойкихъ членовъ мѣстнаго революціоннаго рабочаго кружка былъ фабричный, котораго мы назовемъ хоть Иваномъ. Прекрасный малый, очень неглупый, дѣятельный и энергичный, Иванъ имѣлъ страстишку выставиться и порисоваться. Этотъ недостатокъ его, съ избыткомъ искупавшійся, впрочемъ, его достоинствами, ставилъ иногда Ивана въ довольно смѣшныя положенія. Однажды, къ величайшему нашему удивленію и огорченію, онъ вздумалъ прочесть стачечникамъ лекцію о прибавочной стоимости. Слушателямъ было совсѣмъ не до того: они собрались поговорить о томъ, какъ вести себя въ виду неожиданной для нихъ измѣны пристава; лекторъ самъ, какъ обнаружилось, плохо понималъ свой предметъ, да вдоба-

вокъ еще сильно смутился на этомъ первомъ, такъ сказать, пробномъ урокѣ, и, ничего, кромѣ вздора, изъ его просвѣтительныхъ усилій не вышло. Онъ былъ сильно сконфуженъ своей неудачей. Мы думали, что теперь онъ угомонится на долго, если не на всегда, но не тутъ-то было. Уже на другой день Иванъ позабылъ объ этомъ печальномъ происшествіи, и его опять тянуло побаловать себя тѣмъ или другимъ эффектнымъ положеніемъ. Приходитъ онъ однажды часовъ въ 8 утра на квартиру Гоббста и торжественно обращается къ одному изъ присутствовавшихъ тамъ „бунтарей".

— Петръ Петровичъ, надо бы смотръ сдѣлать!

— Какой смотръ?

— Да больше ничего—вытти на улицу, людей посмотрѣть, себя показать. Скучаетъ народъ то!

Бунтарь, названный здѣсь Петромъ Петровичемъ, отчасти походилъ характеромъ на Ивана, съ которымъ, кстати сказать, былъ большимъ пріятелемъ. Онъ быстро сообразилъ, чего тотъ хочетъ, и безъ возраженій вышелъ съ нимъ на улицу. Спустя нѣсколько минутъ вышли и остальные бунтари—ихъ было 2—3 человѣка—очень заинтересованные новой затѣей неугомоннаго Ивана. Дойдя до Обводнаго канала, они увидѣли такую картину.

Сотни стачечниковъ покрывали набережную, образуя вдоль нея сплошную стѣну. Передъ этой стѣной медленно, торжественно шествовалъ Петръ Петровичъ, а за нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, двигался Иванъ, слегка повернувъ въ сторону свою почтительно наклоненную голову, какъ бы затѣмъ, чтобы хоть одно ухо было поближе къ начальству и не проронило ни слова изъ могущихъ послѣдовать приказаній. Всюду, гдѣ проходила эта пара, рабочіе снимали шапки, привѣтливо кланяясь и отпуская на ея счетъ разныя одобрительныя замѣчанія. „Вотъ они, орлы-то наши, пошли!" любовно воскликнулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня пожилой рабочій. Окружавшіе его молчали, но видно было, что и имъ появленіе „орловъ" доставило большое удовольствіе.

Комическая выдумка Ивана была подсказана ему вѣрнымъ пониманіемъ настроенія массы. „Народъ" дѣйствительно „скучалъ", не видя революціонеровъ. Онъ чувствовалъ себя бодрѣе и смѣлѣе въ ихъ присутствіи.

Замѣчу, однако, что тогдашнія представленія огромнаго большинства стачечниковъ объ „орлахъ“ отличались большою неясностью. Стачечники видѣли въ нихъ своихъ друзей, замѣтили также, что „орлы“ не ладятъ съ полиціей. Но это и все. Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ революціонеры къ высшему начальству, въ особенности къ царю— объ этомъ спрашивали себя тогда, вѣроятно, очень не многіе изъ стачечниковъ. Большинство приписывало намъ, должно быть, свой собственный, вынесенный изъ деревни, взглядъ на царя, какъ на вѣрнаго защитника народныхъ интересовъ. Наиболѣе же наивные доходили, пожалуй, до того, что принимали насъ за тайныхъ царскихъ агентовъ. Я знаю, что въ первое время стачки въ существованіи такихъ агентовъ твердо были убѣждены по крайней мѣрѣ нѣкоторые рабочіе. „Тише, братцы, крикнулъ однажды собравшейся передъ фабричнымъ зданіемъ толпѣ какой-то прядильщикъ, тутъ таскаются фискалы!“—Какіе фискалы?— полюбопытствовалъ другой, обращаясь къ своему сосѣду.— „А это, братъ ты мой, такіе люди, отвѣтилъ тотъ, которыхъ царь тайно посылаетъ разузнать, нѣтъ ли гдѣ притѣсненія народу. Они походятъ, послушаютъ, да ему и разскажутъ. Фискаловъ бояться нечего, это онъ напрасно, фискалы правду наблюдаютъ“. Такое лестное понятіе о фискалахъ скоро разбилось въ прахъ при столкновеніи съ дѣйствительностью. Не прошло и недѣли, какъ уже всѣ стачечники хорошо знали, кому и о чемъ доносятъ фискалы. Фабричная молодежь стала устраивать на нихъ настоящія облавы. Обыкновенно онѣ происходили вечеромъ. Отрядъ охотниковъ отправлялся въ одинъ изъ мѣстныхъ трактировъ, куда во время стачки часто забѣгали шпіоны пообогрѣться и прислушаться къ разговорамъ публики, состоявшей изъ тѣхъ же стачечниковъ. „Есть фискалы?“ спрашиваетъ предводитель отряда кого нибудь изъ знакомыхъ.— Вонъ сидитъ пара, давно ужъ тутъ вертятся, замѣчаютъ да подслушиваютъ“. Предводителю только этого и надо. Онъ шепчется со своими спутниками и располагается пить чай неподалеку отъ фискаловъ. Едва тѣ выходятъ изъ трактира, онъ выбѣгаетъ за ними. „Ребята, фискалъ, держи, держи!“ кричитъ онъ что есть мочи. Фискалы бросаются бѣжать, но на первомъ же углу натыкаются на засаду. Ихъ хватаютъ и ведутъ къ каналу. Здѣсь ихъ вѣжливенько кла-

дутъ на землю и, какъ по наклонной плоскости, пускаютъ катиться внизъ по крутому берегу. Вывалявшись въ снѣгу и стукнувшись объ ледъ, фискалы вскакиваютъ и стремглавъ летятъ въ участокъ. „Улю-лю-лю! улю-лю-лю!“ кричатъ имъ вслѣдъ рабочіе, и затѣмъ быстро расходятся по домамъ, во избѣжаніе полицейскихъ возмездій. Разсказы объ испытанныхъ фискалами непріятностяхъ очень потѣшали всѣхъ стачечниковъ.

Собственно говоря, революціонеры были для нихъ такими же неизвѣстными людьми, какъ и фискалы. Иногда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, на мѣсто дѣйствія вмѣсто старыхъ, знакомыхъ всей рабочей массѣ, „орловъ“ являлись совершенно новыя личности. Но замѣчательно, что стачечники никогда не ошибались, и ни разу ни одному революціонеру не пришлось испытать на себѣ дѣйствіе предназначеннаго для фискаловъ исправительнаго наказанія. Рабочіе какимъ-то чутьемъ отличали революціонеровъ отъ полицейскихъ сыщиковъ. Возможно, однако, что тѣ изъ нихъ, которые видѣли прежде въ шпіонахъ тайныхъ агентовъ добродѣтельнаго царя, принимали потомъ за такихъ агентовъ самихъ революціонеровъ. Возможно также, что они приписывали царской милости и раздачу денегъ лишившимся кредита семьямъ. По крайней мѣрѣ сближеніе съ революціонерами не мѣшало большинству стачечниковъ надѣяться на помощь со стороны трона. Именно отъ „орловъ“-то и ждали, что они напишутъ прошеніе („хо-орошенькую бумажку!“). Обращаться съ такой просьбой къ революціонерамъ значило почти то же, что просить сатану отслужить молебенъ угоднику. Землевольцы заранѣе морщились при мысли о такого рода порученіи, тѣмъ болѣе, что „лавристы“, недовольные принятымъ ими способомъ дѣйствій, давно уже обвиняли ихъ въ измѣнѣ революціоннымъ принципамъ. Но дѣлать было нечего. Вѣру въ царя нужно было разрушать не словами, а опытомъ. И вотъ однажды утромъ въ квартиру Гоббста принесенъ былъ проектъ требуемаго прошенія. Одобренный мѣстнымъ рабочимъ кружкомъ, онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе рабочаго собранія, состоявшагося на обширномъ дворѣ Бумагопрядильни. Малолѣтніе рабочіе („ребятишки“), все время принимавшіе дѣятельное участіе въ стачкѣ, разсыпались по прилегающимъ улицамъ и переулкамъ, чтобы въ случаѣ приближенія по-

лиціи во время предупредить собравшихся. Кто-то (кажется, все тотъ же Иванъ) взобрался на большую кучу каменнаго угля и громогласно прочелъ прошеніе. Оно вызвало всеобщій восторгъ. „Вашему Императорскому Высочеству, говорилось въ немъ, не безызвѣстно, какіе плохіе были отведены намъ надѣлы, и какъ сильно страдаемъ мы отъ малоземелья!"—Вѣрно, вѣрно, гремѣла толпа, только званіе, что земля, а пользы отъ нея никакой!—„Вашему Императорскому Высочеству не безызвѣстно также, что за эти плохіе надѣлы мы платимъ огромныя подати"—продолжалъ чтецъ.—И это, такъ, и это вѣрно, одобряли слушатели, вздохнуть не даютъ съ податями!—„Вашему Императорскому Высочеству не безызвѣстно, наконецъ, съ какою жестокостью взыскиваются съ насъ эти тяжелыя подати,—раздавалось съ высокой каменноугольной трибуны,—нужда гонитъ насъ на заработки въ городъ, а здѣсь насъ на каждомъ шагу притѣсняютъ фабриканты и полиція". Далѣе слѣдовалъ разборъ вызвавшихъ стачку новыхъ правилъ, а въ заключеніе говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочіе ждутъ ее отъ наслѣдника престола, но если и онъ не обратитъ вниманія на ихъ просьбу, то ясно будетъ, что имъ остается надѣяться *только на самихъ себя*. Заключеніе также найдено было очень разсудительнымъ. „Если и отъ наслѣдника ничего не добьемся, то ужъ надо будетъ, какъ-никакъ, поправляться самимъ", рѣшили слушатели. Такимъ образомъ, прошеніе было готово. Но какъ доставить его наслѣднику? Идти „ходокомъ" къ Аничкову дворцу никому не хотѣлось, такъ какъ подобное путешествіе могло закончиться очень непріятнымъ образомъ. Рѣшено было нести прошеніе цѣлой толпою.

Полиція давно уже догадывалась, что стачечниковъ поддерживаютъ революціонеры. „Фискалы" лѣзли изъ кожи вонъ, стараясь выслѣдить „подстрекателей". Но землевольцевъ поймать было не легко, и шпіонскія усилія такъ и не привели бы, можетъ быть, ни къ чему, если бы не одна несчастная случайность.

Зимою 1877—78 гг. „интеллигенція" находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Процессъ 193, этотъ долгій поединокъ между правительствомъ и революціонной партіей, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ волновалъ всѣ оппозиціонные элементы. Особенно горячилась учащаяся

молодежь. Въ университетѣ, въ медико-хирургической академіи и въ технологическомъ институтѣ происходили огромныя сходки, на которыхъ „нелегальные“ ораторы „Земли и Воли“, ни мало не стѣсняясь возможнымъ присутствіемъ шпіоновъ, держали самыя недвусмысленныя рѣчи. Недавно основанная тайная землевольческая типографія усиленно работала. Кромѣ обширнаго отчета о „большомъ процессѣ“, изъ нея вышло тогда множество воззваній и, между прочимъ, проектъ адреса министру юстиціи Палену отъ учащейся молодежи, заключавшій въ себѣ рѣзкій протестъ противъ жандармской инквизиціи (мы называли въ шутку этотъ проектъ русской petition of rights). Всѣ подобныя изданія широко распространялись по Россіи, но понятно, что больше всего ихъ было въ Петербургѣ, гдѣ ихъ легко могъ достать всякій желающій. Выстрѣлъ В. И. Засуличъ и вооруженное сопротивленіе жандармамъ Ковальскаго съ товарищами въ Одессѣ (30 января 1878 г.) еще болѣе подлили масла въ огонь. Жажда дѣятельности и борьбы пробуждалась въ самихъ мирныхъ людяхъ. И не было революціоннаго предпріятія, для исполненія котораго не нашлось бы многихъ и многихъ охотниковъ.

Когда среди петербургской интеллигенціи разнесся слухъ о стачкѣ, студенты немедленно собрали въ пользу забастовавшихъ очень значительную сумму денегъ *). Но радикальная часть студенчества не довольствовалась денежными пожертвованіями. Ей хотѣлось поближе сойтись со стачечниками. Изъ студентовъ разныхъ заведеній составилась небольшая группа, съ цѣлью пробраться на Обводный каналъ. Дойти до него было, конечно, не трудно, но никто изъ студентовъ не имѣлъ связей между тамошними рабочими. Они зашли въ портерную лавку, вѣроятно, разсчитывая встрѣтить тамъ стачечниковъ. Отъ портерной было рукой подать до Бумагопрядильни, и въ нее, дѣйствительно, нерѣдко заходили рабочіе, но именно потому тамъ во время стачки постоянно засѣдали „фискалы“, разумѣется, сейчасъ же обратившіе вниманіе на необычайныхъ посѣтителей. Не-

*) Впрочемъ, деньги давали не одни студенты. Все либеральное общество отнеслось къ стачечникамъ весьма сочувственно. Говорили, что даже г. Суворинъ раззорился для ихъ поддержки на три рубля. За достовѣрность этого слуха не могу, однако, поручиться.

обычные посѣтители, съ своей стороны, сообразили съ кѣмъ имѣютъ дѣло, но отступить не захотѣли. Прилегавшія къ Бумагопрядильнѣ улицы имѣли уже тогда тотъ особенный видъ, который обыкновенно принимаютъ наши рабочіе кварталы, когда въ нихъ пахнетъ хоть маленькимъ „бунтомъ“: шмыгаютъ фискалы, озабоченно бѣгаютъ околодочные, на перекресткахъ стоятъ цѣлыя кучи городовыхъ, иногда показываются казаки, а неучаствующіе въ „бунтѣ“ рѣдкіе прохожіе боязливо озираются по сторонамъ, точно вотъ-вотъ сейчасъ произойдетъ что-то очень страшное. Такая картина даже на бывалаго, видавшаго виды, революціонера дѣйствуетъ всегда самымъ возбуждающимъ образомъ. Тѣмъ болѣе сильно должна была она подѣйствовать на молодыхъ студентовъ. Войдя въ портерную, они, повидимому, уже плохо владѣли собою, а когда замѣтили шпіоновъ, совсѣмъ забыли всякую осторожность. „А вы слышали, господа, что въ Ростовѣ-на-Дону убили шпіона Никонова? *) Семь пуль всадили!“—сказалъ одинъ изъ нихъ, нарочно возвышая голосъ, чтобы его могли слышать тѣ, кому слышать ихъ вовсе не слѣдовало.—„Не семь, а одиннадцать“, поправилъ его шпіонъ, надѣвая шапку и выходя на улицу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ сопровожденіи полицейскихъ и пригласилъ гг. студентовъ „на пару словъ въ участокъ“. О поимкѣ „подстрекателей“ сейчасъ же извѣстили начальника тайной полиціи, который на подмогу вульгарнымъ уличнымъ шпіонамъ отрядилъ какого то чиновнаго сыщика. А тѣмъ временемъ полиція вошла во вкусъ арестовъ и стала хватать прохожихъ, почему либо казавшихся ей подозрительными.. Такъ взятъ былъ совершенно ни за что, ни про что одинъ псковскій мѣщанинъ, едва только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ и отправившійся на Обводный каналъ по какому-то частному дѣлу. Почти одновременно съ нимъ схватили на улицѣ двухъ землевольцевъ, только что оставившихъ конспиративную квартиру Гоббста и пробиравшихся во свояси. Арестовали также нѣсколькихъ рабочихъ, считавшихся „зачинщиками“ и на самомъ дѣлѣ принадлежавшихъ къ мѣстному революціонному кружку.

---

*) Свѣжая тогда новость.

Давно уже подготовлявшаяся, неизбѣжная полицейская гроза разразилась, наконецъ, со свойственной ей величавой силой.

Склонивъ управляющаго на нѣкоторыя, вполнѣ ничтожныя уступки, усмирители отпечатали и распространили между стачечниками видоизмѣненныя такимъ образомъ „новыя правила“, *) объявивъ, что всякій рабочій, отказывающійся подчиниться имъ, будетъ немедленно высланъ на родину. Къ счастью, отказались *всѣ*, а всѣхъ выслать было бы трудно даже для всемогущей полиціи и невыгодно для фабрики.

Стачечники очень сочувствовали арестованнымъ революціонерамъ. „Жаль, что не видѣли мы, какъ ихъ брали, говорили нѣкоторые, мы отбили бы ихъ у полиціи“. Что же касается до арестовъ въ ихъ собственной средѣ, то они скорѣе ожесточали, чѣмъ запугивали рабочихъ. Во всякомъ случаѣ, дня черезъ два послѣ описанныхъ происшествій, снова поднялись толки о подачѣ наслѣднику забытаго на время прошенія, которое и было торжественно отнесено къ Аничкову дворцу. Тамъ его принялъ, для передачи по назначенію, градоначальникъ. Рабочіе увѣряли послѣ, что когда Козловъ бралъ у нихъ прошеніе, наслѣдникъ стоялъ у окна и видѣлъ все происходившее. Это обстоятельство было, вѣроятно, плодомъ ихъ фантазіи, но тѣмъ не менѣе пришлось оно очень кстати. Никто не могъ бы убѣдить впослѣдствіи стачечниковъ, что ихъ прошеніе скрыли отъ наслѣдника недоброжелательные къ нимъ придворные.

Отнеся «бумагу» во дворецъ, градоначальникъ опять вышелъ къ просителямъ и объявилъ, что теперь наслѣдникъ приказываетъ имъ разойтись, отвѣтъ же на ихъ

---

*) Однимъ изъ схваченныхъ землевольцевъ былъ пишущій эти строки. Въ участкѣ, куда привели арестованныхъ, лежала на столѣ пачка «новыхъ правилъ», напечатанныхъ почти совершенно на такихъ же листкахъ, на какихъ мы печатали наши воззванія. Я обратилъ вниманіе околодочнаго на редакцію этихъ правилъ: «сначала въ нихъ идетъ рѣчь о двухъ грошовыхъ уступкахъ, а дальше слѣдуетъ рядъ статей, возвѣщающихъ пониженіе заработной платы. Надо было сдѣлать наоборотъ: сначала возвѣстить о пониженіи платы, а потомъ уже обрадовать рабочихъ уступками. Такимъ образомъ они заѣли бы горькое сладкимъ». — «Что прикажете дѣлать, возразилъ околодочный съ видомъ глубокой, но грустной покорности судьбѣ, рабочему человѣку всегда будетъ горько, этого вы не перемѣните».

просьбу онъ дастъ имъ черезъ нѣсколько дней. Рабочіе немедленно и совершенно спокойно исполнили это приказаніе.

Полиція притихла, не зная, какъ отнесется къ прошенію наслѣдникъ, и стачка сдѣлалась на время какъ бы совершенно законнымъ явленіемъ. О ней заговорили въ газетахъ, осуждая дѣйствія фабричной администраціи. Стачечники сдѣлались героями дня. Адвокаты предлагали имъ безвозмездныя услуги, на нихъ стремились посмотрѣть, какъ смотрятъ на модныя диковины. Какой-то «нигилистъ», встрѣтивъ случайно пары двѣ этихъ интересныхъ людей, затащилъ ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ ихъ облюбовалъ цѣлый десятокъ другихъ нигилистовъ, также непремѣнно желавшихъ видѣть ихъ у себя дома и показать друзьямъ,— и пошли наши рабочіе гулять изъ одной нигилистической квартиры въ другую, всюду возбуждая живѣйшій интересъ и съ удивленіемъ присматриваясь къ незнакомому имъ мірку. Впрочемъ, это были бойкіе «ребята», умѣвшіе показать себя и ни мало не смущавшіеся непривычной обстановкой. Какъ сейчасъ помню визитъ ихъ къ одному либеральному адвокату *), къ которому затащили ихъ нигилисты, чтобы посовѣтоваться съ нимъ «на счетъ стачки». Онъ встрѣтилъ ихъ торжественно и даже съ нѣкоторою робостью, какъ встрѣтилъ бы провинціалъ «знатнаго иностранца», а они, порядочно уже избалованные безтолковымъ вниманіемъ интеллигенціи и успѣвшіе возгордиться своимъ званіемъ стачечниковъ, обращались съ нимъ покровительственно и преважно развалились въ его мягкихъ креслахъ. Землевольцы понимали, къ какимъ нелѣпымъ послѣдствіямъ можетъ привести *подобное* сближеніе интеллигенціи съ рабочими. Они старались положить ему конецъ и при всякомъ удобномъ случаѣ осмѣивали его какъ праздную забаву. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ нигилистовъ, что скоро въ тайной землевольческой типографіи будетъ напечатано такое объявленіе: «Въ домѣ № X, въ квартирѣ № У.

---

*) Арестъ мой продолжался всего одинъ день. Въ качествѣ «нелегальнаго», я имѣлъ недурной паспортъ и носилъ ничѣмъ незапятнанное въ глазахъ полиціи имя какого-то потомственнаго почетнаго гражданина. Меня выпустили, обязавъ подпиской о невыѣздѣ. Я добросовѣстно исполнилъ это обязательство, такъ какъ долго послѣ этого не покидалъ Петербурга.

по такой-то улицѣ (при этомъ точно обозначалась квартира, наиболѣе прославившаяся частыми пріемами рабочихъ) отъ 2 до 6 часовъ пополудни показываются рабочіе, принадлежащіе къ рѣдкой и интересной породѣ стачечниковъ За посмотрѣніе обыкновенные нигилисты платятъ по 20 копеекъ, выпущенные *) по 10, нигилистки же смотрятъ безплатно». Но насмѣшки дѣйствовали такъ же мало, какъ и увѣщанія. Въ глазахъ многихъ «интеллигентовъ» путешествія рабочихъ по нигилистическимъ квартирамъ имѣли свою полезную сторону. Путешествія эти давали, повидимому, возможность повліять на стачечниковъ даже такимъ революціоннымъ кружкамъ, которые, не имѣя никакихъ постоянныхъ связей на Обводномъ каналѣ, очень огорчались, однако, преобладающимъ и постоянно растущимъ вліяніемъ тамъ «Земли и Воли». Многіе, несочувствовавшіе «бунтарству», революціонеры были убѣждены, что подъ нашимъ вліяніемъ стачка непремѣнно кончится кровавой вспышкой. Напрасно говорили мы, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего подобнаго; намъ не вѣрили и радовались всякому случаю противопоставить намъ болѣе „*мирное*“ вліяніе. Въ этомъ, конечно, не было бы большой бѣды, если бы противодѣйствія намъ велись хоть сколько нибудь толково. Но что могло выйти изъ такихъ, напримѣръ, собесѣдованій съ рабочими? «Мирный пропагандистъ» настигаетъ нѣсколькихъ стачечниковъ въ какой нибудь нигилистической квартирѣ и заводитъ съ ними разговоръ о стачкѣ.

— Вы хотите, разумѣется, чтобы стачка сохранила совершенно мирный характеръ?—спрашиваетъ онъ ихъ самымъ утвердительнымъ тономъ.

— Конечно,—мирный,—отвѣчаютъ вопрошаемые.—Намъ что жъ, намъ пусть отмѣнять новыя правила, а больше намъ ничего не нужно!

— Никакихъ безпорядковъ вы дѣлать не желаете?

— Да зачѣмъ же намъ дѣлать безпорядки?! какой въ нихъ толкъ?

— Ну, вотъ и прекрасно, именно такъ поступать и

*) Подъ именемъ «выпущенныхъ» извѣстны были тогда революціонеры, привлекавшіеся по дѣлу о пропагандѣ въ 37 губ. и незадолго до «большого процесса» выпущенные на поруки. Ихъ было тогда очень много въ Петербургѣ.

нужно,—заключаетъ вопрошатель и разсказываетъ потомъ, что онъ «самъ» говорилъ съ рабочими и убѣдился, что бунтарямъ они вовсе не сочувствуютъ.

Иногда случалось такъ, что едва оставлялъ рабочихъ «мирный пропагандистъ», ихъ принимался допрашивать какой-нибудь молодой сторонникъ «вспышекъ».

— Ну что, какъ у васъ дѣла на фабрикѣ?

— Да что жъ наши дѣла, мы стоимъ на своемъ, а управляющій на своемъ, такъ вотъ и воловодимся.

— Не уступаетъ?

— Нѣтъ, пока что, крѣпко держится, шутъ его возьми!

— Ну, вы, конечно, за себя постоите? Его, подлеца, надо такъ проучить, чтобъ онъ и дѣтямъ своимъ заказалъ притѣснять рабочихъ!

— Да ужъ, само собой, не поддадимся, мы и фабрику-то всю разнесемъ въ дрызгъ, машины переломаемъ. Вотъ онъ и считай тогда барыши!

Сторонникъ вспышекъ уходилъ, вполнѣ убѣжденный, что стачечники настроены самымъ „бунтарскимъ" образомъ. Сначала рабочіе совсѣмъ не понимали, чего собственно хотятъ отъ нихъ „интеллигентные" собесѣдники, и совершенно нелицемѣрно поддакивали людямъ противоположныхъ мнѣній, такъ какъ на самомъ дѣлѣ каждый стачечникъ съ одной стороны вовсе не желалъ безпорядковъ, а съ другой очень не прочь былъ помечтать о хорошемъ урокѣ управляющему. Но потомъ они начали соображать въ чемъ дѣло, поняли, какая разногласица существуетъ между „интеллигентными" революціонерами, и пришли въ тяжелое недоумѣніе. „Ахъ, ты Господи, твоя воля, воскликнулъ при мнѣ у Гоббста одинъ, только что вернувшійся „изъ города" рабочій, каждый-то кружокъ рѣшаетъ наше дѣло по своему. Вотъ тутъ и разбирайся!"

— А ты бы больше шлялся по городу, не то бы еще услыхалъ,—сердито заворчалъ на него Гоббстъ, который, какъ человѣкъ бывалый и крѣпко державшійся разъ принятаго направленія, ни мало не смущался революціонными разногласіями. Но его молодой товарищъ и самъ, кажется, убѣдился, что ему совсѣмъ нѣтъ надобности „шляться по городу".

Такъ какъ серьезныя связи на мѣстѣ были у однихъ только „землевольцевъ", то нечего и говорить, что вліяніе

ихъ на стачечниковъ осталось непоколебимымъ. Рабочая масса попрежнему видѣла въ нихъ „орловъ“ и съ довѣріемъ прислушивалась къ ихъ совѣтамъ. Мало того, обстоятельства складывались такимъ образомъ, что землевольцы могли говорить съ нею совсѣмъ откровенно. Наслѣдникъ не сдержалъ своего обѣщанія, не отвѣтилъ на просьбу стачечниковъ. Нѣкоторые, болѣе довѣрчивые изъ нихъ, продолжали еще ждать и надѣяться, но за то другіе—и такихъ съ каждымъ днемъ становилось больше—рѣшили, что и наслѣдникъ, „не хуже градоначальника“ тянетъ руку управляющаго. „Нечего было и ходить къ нему, только сапоги трепали“, говорили теперь нерѣдко тѣ самые люди, которые прежде энергичнѣе всѣхъ стояли за подачу прошенія. Вынесенный изъ деревни политическій предразсудокъ быстро уступалъ мѣсто трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрѣли на верховную власть, какъ на вѣрную защитницу народныхъ интересовъ, теперь они стали видѣть въ ней сообщницу капиталистовъ. Этотъ новый взглядъ немедленно же выразился въ неизвѣстно кѣмъ сочиненной баснѣ о томъ, что наслѣдникъ находится въ интимной связи съ женою управляющаго и, кромѣ того, имѣетъ свой пай въ фабричномъ капиталѣ. Едва ли кто изъ стачечниковъ вѣрилъ этой баснѣ, но всѣ повторяли ее очень охотно. Революціонерамъ оставалось только подчеркивать тѣ выводы, къ которымъ пришли рабочіе на основаніи собственнаго опыта.

Между тѣмъ, ничего не отвѣчая рабочимъ, наслѣдникъ, очевидно, далъ понять градоначальнику, что желаетъ сохранить нейтралитетъ, и что поэтому полиція можетъ дѣйствовать съ обычнымъ своимъ усердіемъ. Для стачечниковъ вернулось тяжелое время. Полицейскія преслѣдованія возобновились и росли съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что околодочные врывались въ артельныя квартиры и, съ помощью городовыхъ, насильно тащили рабочихъ на фабрику. Наиболѣе упорныхъ отводили въ участокъ, а оттуда въ пересыльную тюрьму. По улицамъ разъѣзжали сильные казачьи и даже жандармскіе отряды, присутствіе которыхъ должно было подавлять у стачечниковъ всякую мысль объ открытомъ сопротивленіи. Наконецъ, явилась еще одна редакція „новыхъ правилъ“, сулившая рабочимъ новыя „уступки“. Доведенные до крайности, они сдались, и послѣ

двухнедѣльнаго затишья Бумагопрядильня снова пошла полнымъ ходомъ.

Стачка была подавлена не экономической силой капитала, а простымъ полицейскимъ насиліемъ: денежные сборы между „интеллигенціей“ и рабочими разныхъ промышленныхъ заведеній могли бы поддержать стачечниковъ по крайней мѣрѣ еще въ теченіе цѣлаго мѣсяца, дѣла же акціонернаго общества Новой Бумагопрядильни шли тогда далеко не такъ хорошо, чтобы оно могло вынести столь продолжительное „воздержаніе“ отъ эксплуатаціи чужого труда. Его выручила полиція. Стачечники ясно видѣли это, и намъ представлялся прекрасный случай выяснить имъ великое значеніе политической свободы. Они хорошо запомнили бы наши слова, такъ какъ всякая общая мысль, схваченная ими во время такихъ движеній, чрезвычайно прочно укрѣпляется въ ихъ головахъ. Но мы сами презирали еще тогда „буржуазную свободу“ и сочли бы себя измѣнниками, если бы вздумали восхвалять ее передъ рабочими. Въ этомъ заключается самая слабая сторона нашей тогдашней „агитаціи“. Возбуждая рабочихъ противъ „властей“ и „государства“, она не сообщала имъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и потому не придавала сознательнаго характера ихъ неизбѣжной борьбѣ противъ *современнаго полицейскаго* государства. Замѣчательно, что съ такъ называемымъ обществомъ тѣ же землевольцы считали возможнымъ говорить совершенно иначе: они выставляли передъ нимъ, по крайней мѣрѣ иногда, довольно опредѣленныя *положительныя* политическія требованія (см. напр. фельетоны „Земли и Воли“). Противопоставляя „соціализмъ“ „политикѣ“, землевольцы считали борьбу за политическую свободу дѣломъ буржуазіи, рабочихъ же продолжали звать на „чисто“-экономическую революцію.

Какъ бы тамъ ни было, стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, несмотря на свой неудачный исходъ и на нашу ошибку, принесла большую пользу дѣлу рабочаго движенія въ Петербургѣ. За ея ходомъ внимательно слѣдили всѣ петербургскіе рабочіе, и многіе „сѣрые люди“, навѣрное, пришли къ тѣмъ же выводамъ относительно царской власти, какіе сдѣланы были ткачами и прядильщиками Обводнаго канала. Съ своей стороны, власть эта, нужно отдать ей справедливость, не упускала случая показать, что она

всецѣло стоитъ на сторонѣ капиталистовъ. Въ концѣ ноября 1878 года произошла стачка на прядильной фабрикѣ Кэнига за Нарвской заставой. Тамошніе рабочіе также вздумали обратиться съ „прошеніемъ“ къ наслѣднику, и утромъ 2 декабря ихъ выборные (30 человѣкъ) отправились къ Аничкову дворцу. Тамъ не только не помогли стачечникамъ, но даже не приняли ихъ прошенія. Ясно было, что правду говорили рабочіе Новой Бумагопрядильни, что ходить туда значило только „сапоги трепать“ безъ всякой пользы.

Впрочемъ, прядильщики кэниговской фабрики не очень нуждались въ подобномъ урокѣ. Для нихъ не прошелъ даромъ опытъ ихъ товарищей съ Обводнаго канала. По всему видно, напротивъ, что они и раньше путешествія ихъ выборныхъ къ Аничкову дворцу знали, гдѣ искать настоящихъ друзей. Хотя на этой фабрикѣ совсѣмъ не велась революціонная пропаганда, но стачечники съ перваго же дня забастовки рѣшили сойтись со „студентами“, и отправили нѣсколькихъ человѣкъ на Обводный каналъ разузнать, какъ можно найти этихъ людей, „помогающихъ рабочимъ“. Хожденіе къ наслѣднику было предпринято съ вѣдома революціонеровъ и предпринято больше такъ себѣ, на всякій случай, чтобы окончательно убѣдить всѣхъ колеблющихся и сомнѣвающихся, если бы оказались такіе между стачечниками. При томъ же слѣдуетъ помнить, что по русскимъ законамъ стачка есть уголовное преступленіе, и что, въ виду этого, „прошенія“, подаваемыя властямъ рабочими. имѣютъ нерѣдко значеніе встрѣчнаго иска, противопоставляемаго неизбѣжному иску фабриканта.

Въ подавленіи стачки на фабрикѣ Кэнига синяя полиція принимала болѣе горячее участіе, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Рабочихъ прямо тащили въ III Отдѣленіе, гдѣ и происходили ихъ объясненія съ хозяиномъ. Передъ этимъ таинственнымъ трибуналомъ г. Кэнигъ утверждалъ, что рабочимъ у него не житье, а масляница, стачка же произошла вслѣдствіе „постороннихъ внушеній“. Онъ обѣщалъ даже узнать и сообщить полиціи имена подстрекателей. Въ благодарность за это, третье-отдѣленскіе политики готовы были благословить будущаго доносителя на самыя противозаконныя дѣйствія. Во всемъ этомъ дѣлѣ ихъ, разумѣется, больше всего интересовалъ вопросъ о подстрекателяхъ.

Только о подстрекателяхъ и слышали рабочіе, когда полиція принималась „разбирать" ихъ жалобы на хозяина. „Вы слушаетесь злыхъ людей,—кричалъ рабочимъ какой-то синій „генералъ", явившись на фабрику въ одинъ изъ первыхъ дней стачки,—у меня здѣсь сто шпіоновъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ, но если хозяинъ найдетъ, что этого мало, я пришлю еще столько же. Какъ только узнаю, что къ вамъ ходятъ бунтовщики, всѣхъ васъ въ въ Архангельскъ сошлю!" *) Рабочіе увѣряли, что никакихъ бунтовщиковъ они не знаютъ, а между тѣмъ продолжали свои сношенія съ революціонерами и еще болѣе проникались уваженіемъ къ этимъ, прежде невѣдомымъ людямъ, которыхъ такъ сильно боялись генералы всѣхъ цвѣтовъ и хозяева различныхъ гильдій.

Интересно, что стачка на фабрикѣ Кэнига начата была малолѣтними рабочими. Дѣло въ томъ, что на бумагопрядильныхъ фабрикахъ получается много отброса, состоящаго изъ порвавшихся нитокъ. Этотъ отбросъ образуетъ возлѣ станковъ кучи такъ называемой *пыли*. Сортировкой «пыли» на фабрикахъ Кэнига занимается особый разрядъ работницъ. Но незадолго до описываемаго времени директоръ разсчиталъ этихъ работницъ и возложилъ сортировку пыли на такъ называемыхъ «заднихъ мальчиковъ» **). Тѣ „взбунтовались", заявивши мастеру, что не станутъ работать до тѣхъ поръ, пока ихъ не избавятъ отъ новой обузы. Кэнигъ хотѣлъ было покончить дѣло поголовнымъ изгнаніемъ всѣхъ непокорныхъ заднихъ мальчиковъ. Тогда вступили въ стачку „средніе мальчики" и взрослые рабочіе.

Несмотря на всѣ полицейскія застращиванія, стачечники держались превосходно. Они не уступили даже тогда, когда Кэнигъ рѣшился на крайнюю мѣру, т. е. прогналъ ихъ *всѣхъ до единаго*. Петербургскіе революціонные рабочіе кружки постарались пристроить ихъ на другихъ фабрикахъ.

Тотъ же 1878 г. ознаменовался нѣкоторыми, правда, незначительными побѣдами петербургскихъ рабочихъ. Такъ, въ концѣ августа на фортепьянной фабрикѣ Беккера (на

---

*) Замѣтьте, что всѣхъ рабочихъ у Кэнига было не больше 200.

**) Каждый прядильщихъ работалъ на двухъ станкахъ, при чемъ у него было 2 подручныхъ мальчика: такъ называемый *средній*, 17—19 л., и *задній*, 12—14 лѣтъ.

набережной Большой Невки) такъ называемые ящичники, т. е. столяры, дѣлающіе деревянный ящикъ фортепьяно, потребовали повышенія заработной (поштучной) платы. Г. Беккеръ отвѣтилъ, что они могутъ увеличить свой заработокъ, переставши „понедѣльничать“, т. е. аккуратнѣе являясь на работу по понедѣльникамъ. Ящичники забастовали. Черезъ три дня хозяинъ сдался.

Такъ же неудачно для хозяевъ кончились столкновенія ихъ съ „рабочими руками“ на табачныхъ фабрикахъ Мичри и бр. Шапшалъ. Эти столкновенія интересны тѣмъ, что на названныхъ фабрикахъ работали исключительно женщины.

24 сентября въ мастерскихъ табачной фабрики Мичри появилось объявленіе, гласившее, что папиросницы, получавшія 65 коп. за 1000 штукъ папиросъ перваго сорта, впредь будутъ получать 55 к.; а за 1000 шт. папиросъ второго сорта, вмѣсто прежнихъ 55 к. будетъ платиться 45 к. Это пониженіе платы мотивировалось плохимъ сбытомъ товара. Мастерицы, какъ называютъ себя работницы, сорвали это объявленіе и пошли въ контору для объясненій. Тамъ онѣ сказали приказчику, что не согласны работать за уменьшенную плату и просили принять отъ нихъ палочки и машинки для дѣланія папиросъ. Тотъ обругалъ ихъ непечатной бранью. Его грубость окончательно взорвала „мастерицъ“: палочки, машинки и даже скамейки полетѣли въ окна; приказчикъ струсилъ и послалъ за хозяиномъ. Г. Мичри не заставилъ долго себя ждать. Онъ немедленно явился на фабрику, и ласковая рѣчь его, а больше всего обѣщаніе уступки, успокоили толпу, состоявшую приблизительно изъ сотни женщинъ. Попытка понизить и безъ того невысокую плату окончилась полной неудачей.

Черезъ 2 дня такая же исторія повторилась на фабрикѣ бр. Шапшалъ на Пескахъ. Тамъ приказчикъ вывѣсилъ слѣдующее объявленіе:

Мастерицамъ табачной фабрики Шапшалъ.

Симъ объявляю, что, по случаю остановки сбыта товара, я сбавляю съ каждой 1000 папиросъ по 10 коп.

Шапшалъ.

Мастерицы, здѣсь уже въ числѣ 200, немедленно сорвали это объявленіе и на его мѣстѣ вывѣсили новое:

Хозяину табачной фабрики Шапшалъ.

Мы, мастерицы вашей фабрики, объявляемъ, что не согласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться.

Мастерицы вашей фабрики.

Приказчикъ собралъ мастерицъ и потребовалъ, чтобы онѣ указали писавшую объявленіе. Онѣ отвѣтили, что это излишне, такъ какъ объявленіе писано отъ имени ихъ всѣхъ, и стали уходить. Приказчикъ поспѣшилъ послать за хозяиномъ. Послѣ напрасныхъ попытокъ убѣдить мастерицъ работать за пониженную плату, г. Шапшалъ вынужденъ былъ уступить подобно г. Мичри.

Въ слѣдующемъ, 1879 году, стачечная зараза охватила нѣсколько фабрикъ одновременно. Обнаружилась она прежде всего на знакомой уже читателямъ Новой Бумагопрядильнѣ.

Съ тяжелымъ сердцемъ, уступая полицейскому насилію, рабочіе Новой Бумагопрядильни говорили намъ, что они покоряются не на долго и при первомъ же удобномъ случаѣ опять забастуютъ. По правдѣ сказать, мы не вѣрили имъ, видя въ ихъ словахъ не болѣе, какъ желаніе утѣшить и себя, и насъ въ испытанной неудачѣ. Но мы ошибались. Уже въ ноябрѣ 1878 г. полиція имѣла много хлопотъ съ неугомонной Бумагопрядильней. Восьмого ноября (Михайловъ день) тамошніе рабочіе не явились на фабрику, мотивируя это тѣмъ, что, дескать, — праздникъ, работать грѣхъ. Но на другихъ фабрикахъ работа шла своимъ чередомъ, и управляющій Бумагопрядильни вздумалъ наверстать потерянное время удлиненіемъ рабочаго дня съ 13 часовъ, какъ было до тѣхъ поръ (отъ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, съ вычетомъ 2 часовъ на ѣду), до 13¼ и продолжать работу при этомъ условіи до тѣхъ поръ, пока изъ кусковъ времени не составится полный день. Два дня работа шла до 8¼ ч., возбуждая сильное неудовольствіе рабочихъ. На третій день кому-то пришло въ голову завернуть главный газопроводный кранъ въ 8 часовъ. Какъ только эта мысль была приведена въ исполненіе, рабочіе густой толпой повалили въ фабрики, причемъ разбили нѣсколько стеколъ и испортили 9 основъ. Вѣрный другъ

„отечественной промышленности“, полиція не могла вовремя явиться для возстановленія „порядка“, но за то на слѣдующее утро на фабрику явилась цѣлая орда охранителей, и въ теченіе нѣсколькихъ дней работа происходила въ ихъ благодѣтельномъ присутствіи, хотя уже не до 8¼, а только до 8 часовъ. Началось слѣдствіе: кто потушилъ? Кто могъ потушить? Человѣкъ 7 рабочихъ таскали въ участокъ. Приставъ горячился и кричалъ, что „ушлетъ ихъ въ Архангельскую губернію“. Однако это не помогло. Рабочіе отвѣчали, что ничего не знаютъ. Одна женщина, работавшая недалеко отъ крана, показала на допросѣ, что кранъ завернулъ какой-то рабочій, лицо котораго было закрыто передникомъ. Кто былъ этотъ рабочій—осталось неизвѣстнымъ, дѣло пришлось передать „суду и волѣ Божіей“. Съ тѣхъ поръ полиція стала зорко слѣдить за рабочими.

15 января слѣдующаго года рабочіе Бумагопрядильни по обыкновенію пришли на фабрику рано утромъ. Нѣсколько часовъ прошло обычнымъ порядкомъ; но передъ обѣдомъ въ ткацкое отдѣленіе явился главный мастеръ и вывѣсилъ объявленіе, приглашавшее 44-хъ ткачей къ *разсчету*. На вопросъ—за что такая немилость?—мастеръ отвѣтилъ, что эти 44 человѣка выбрасываются на улицу за свое „бунтовство“, и что впредь всѣ неблагонадежные будутъ прогоняемы. Заявилъ онъ также, что вообще администрація фабрики въ виду постоянныхъ бунтовъ, думаетъ замѣнить ткачей-мужчинъ женщинами и дѣтьми. Рѣчь его была прервана взрывомъ негодованія. Объявленіе было изорвано въ клочки, самъ ораторъ долженъ былъ ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домамъ обѣдать. Послѣ обѣда они собрались передъ воротами фабрики густой толпой, черезъ которую не прошелъ одинъ изъ тѣхъ, кто еще колебался пристать къ стачкѣ. Директоръ поспѣшилъ извѣстить полицію о новомъ „бунтѣ“. Около фабрики забѣгали „фискалы“, показались околодочные, въ полной формѣ, съ револьверами на боку; ихъ сопровождали десятки городовыхъ. Но полиція пока еще не обнаруживала большой стремительности, вѣроятно, потому, что не получила еще надлежащихъ наставленій свыше.

Къ вечеру того же дня ткачи рѣшили, кромѣ отмѣны распоряженія объ изгнаніи бунтовщиковъ, требовать также:

1) повышенія заработной платы—5 коп. на кусокъ ткани; 2) сокращенія рабочаго дня на $2^{1}/_{2}$ часа; 3) отмѣны нѣкоторыхъ штрафовъ; 4) изгнанія нѣсколькихъ ненавистныхъ имъ мастеровъ и подмастерьевъ; 5) присутствія выборныхъ отъ рабочихъ при пріемѣ сдаваемой ими ткани и, наконецъ; 6) выдачи имъ платы „за все время стачки, какъ будто работа и не прекращалась". Требованія эти были немедленно записаны и, если не ошибаюсь, отпечатаны въ тайной типографіи „Земли и Воли".

Слухи о стачкѣ на Новой Бумагопрядильнѣ быстро распространились между фабричными, и на слѣдующій день на Обводный каналъ явилось 40 выборныхъ отъ ткачей фабрики Шау (Шавы, какъ произносили рабочіе) за Нарвской заставой. „Шавинскіе" также рѣшились забастовать и предлагали „новоканавцамъ" *) выработать общія требованія. Правда, полнаго тождества въ требованіяхъ стачечниковъ этихъ двухъ фабрикъ быть не могло, такъ какъ порядки, практиковавшіеся г. Шау отличались отъ порядковъ, существовавшихъ на Бумагопрядильнѣ. У „Шавы" работа шла безостановочно день и ночь, причемъ рабочіе раздѣлялись на двѣ смѣны: однѣ сутки одна смѣна работала 16 час., а другая 8, слѣдующая—наоборотъ. Трудолюбивый фабрикантъ не прекращалъ работы даже вечеромъ наканунѣ праздниковъ: она пріостанавливалась только въ 6 часовъ праздничнаго утра. Г. Шау заботился также и о продовольствіи рабочихъ: у него была мелочная лавка, въ которой они *обязаны* были покупать продукты. Читатель легко можетъ представить себѣ, какъ выгодно это было для заботливаго хозяина. Иногда, придя за получкой въ контору, рабочій узнавалъ, что весь его заработокъ ушелъ на уплату по его забору въ хозяйской лавкѣ.

Съ одобренія «новоканавцевъ» «шавинскіе» рабочіе представили своему хозяину, слѣдующія требованія:

«1) Чтобы на каждый вытканный кусокъ прибавили платы по 5 коп.

«2) Чтобы прогульные дни не считались, если самъ хозяинъ виноватъ въ прогулѣ.

«3) Чтобы основы выдавали хорошія, и чтобы матеріалъ выдавался при нашихъ выборныхъ.

---

*) Рабочіе называли Обводный каналъ Новой Канавой.

«4) Чтобы товаръ не браковали зря; чтобы за этимъ тоже слѣдили наши выборные.

«5) Чтобы не штрафовали за поломъ инструментовъ, за отсутствіе изъ фабрики по болѣзни и надобности.

«6) Чтобы за харчи платить не въ конторѣ, какъ теперь, а въ лавкѣ, по получкѣ денегъ на руки.

«7) Чтобы на больницу платилось не по $1^{1}/_{4}$ коп. съ рубля, а по 10 коп. въ мѣсяцъ.

«8) Чтобы за кипятокъ *) на фабрикѣ рабочіе не платили.

«9) Чтобы утромъ давалось время съ $8^{1}/_{2}$ до 9 ч. на завтракъ.

«10) Чтобы наканунѣ праздниковъ работа кончалась въ 8 час. вечера.

«11) Чтобы газовыя горѣлки расположить какъ лучше для работы; мы сами укажемъ мѣсто для нихъ; а то теперь въ иныхъ мѣстахъ вовсе свѣту нѣтъ.

«12) Чтобы прогнать съ фабрики подмастерьевъ: Никифора Арсеньева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Намъ отъ нихъ нѣтъ житья! и мы съ ними не хотимъ работать.

«13) За время стачки денегъ съ насъ не вычитать, потому что мы не работаемъ не по своей винѣ, а по упорству хозяевъ.

«14) Чтобы никого изъ насъ не брали въ полицію за то, что не работаемъ, а тѣхъ, что теперь забрали, пусть выпустятъ» **).

Предъявленное фабриканту послѣднее (14-ое) требованіе съ формальной точки зрѣнія могло бы показаться безсмыслицей. Но въ дѣйствительности оно имѣло большой практическій смыслъ, такъ какъ аресты рабочихъ происходили по настоянію и, нерѣдко, по личному указанію фабрикантовъ. Стачечники нашли полезнымъ предупредить г. Шау, что даже въ случаѣ исполненія всѣхъ остальныхъ требованій они не станутъ работать, пока не прекратятся аресты и не будутъ освобождены арестованные.

На сходкѣ представителей отъ обѣихъ фабрикъ были,

---

*) Для чаю.

**) Подробности объ этихъ и нѣкоторыхъ предыдущихъ стачкахъ заимствованы мною изъ 3 и 4 №№ „*Земли и Воли*“, гдѣ онѣ были описаны мною на основаніи свѣдѣній, своевременно собранныхъ на мѣстѣ.

между прочимъ, обдуманы мѣры для поддержанія бѣднѣйшихъ изъ стачечниковъ. Такихъ естественно должно было оказаться болѣе у «Шавы», который грозился немедленно прекратить выдачу припасовъ изъ своей лавки. Рѣшено было первые сборы предоставить въ распоряженіе его рабочихъ. Сборы же предполагалось дѣлать на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ. Въ этомъ смыслѣ были напечатаны (разумѣется, въ тайной типографіи) воззванія ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ. Надежда на ихъ помощь не была напрасной: сборы дѣлались почти повсемѣстно, и возбужденіе рабочихъ во время этихъ сборовъ было подчасъ такъ велико, что грозило перейти, а мѣстами и переходило, въ забастовку.

На фабрикѣ Мальцева (на Выборгской сторонѣ) разбросаны были воозванія стачечниковъ. По этому поводу полиція арестовала рабочаго, заподозрѣннаго въ ихъ разбрасываніи. Его товарищи заволновались. Пошли толки о томъ, чтобы послѣдовать примѣру „новоканавцевъ", но хозяинъ ласковымъ обращеніемъ и обѣщаніемъ разныхъ благъ въ будущемъ возстановилъ спокойствіе. Г. Чешеру (его фабрика тоже была на Выборгской сторонѣ) не удалось отдѣлаться одними обѣщаніями: онъ вынужденъ былъ прибавить по 3 коп. на каждый кусокъ ткани. Волновались рабочіе на Охтѣ, Такъ заразительно подѣйствовалъ примѣръ. А тѣмъ временемъ полиція и фискалы дѣлали свое дѣло.

Уже въ ночь съ 16—17 числа произведено было нѣсколько арестовъ. Арестовано было 6 человѣкъ изъ рабочихъ Шау, 20 человѣкъ съ Н. Бумагопрядильни, одинъ слесарь на Лиговкѣ и т. д. Аресты еще болѣе усилили раздраженіе рабочихъ. До 17 числа только ткачи участвовали въ стачкѣ на Н. Бумагопрядильнѣ. Съ того же числа къ ней пристали и прядильщики; фабрика совсѣмъ остановилась. О подачѣ какихъ бы то ни было „прошеній" теперь уже никто не думалъ. „Новоканавцы" только смѣялись, когда мы напомнили имъ объ ихъ прошлогоднемъ хожденіи съ прошеніемъ „то-то дураки-то были!"—говорили они.

На фабрику Шау въ качествѣ миротворца явился нѣкій „полковникъ". Рабочіе подали ему письменное изложеніе своихъ требованій и категорически заявили, на меньшемъ не помирятся.

— Согласны вы на эти требованія? — спросилъ полковникъ хозяина.

Тотъ, разумѣется, отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, такъ чего же вы такіе-сякіе хотите?—заревѣлъ миротворецъ,—да я васъ!..“ и т. д., и т. д. полились обычныя въ такихъ случаяхъ словеса „кротости и увѣщанія“, т. е, брань, украшенная непечатными словами... „у меня, заключилъ храбрый воинъ, сейчасъ 25,000 солдатъ подъ ружьемъ, попробуйте только бунтовать!“

— Больно ужъ много ты, ваше благородіе, войска-то для насъ наготовилъ-то,--насмѣшливо замѣтили рабочіе,— насъ всего-то здѣсь 300 человѣкъ и съ бабами, и съ ребятишками, а мужиковъ-то не будетъ больше сотни.

Полковникъ понялъ, что зарапортовался, и прикусилъ языкъ, приказавъ, для поддержанія своего авторитета, схватить одного изъ остряковъ, но толпа окружила эту жертву полковничьяго смущенія и отстояла ее отъ полицейскихъ покушеній. Такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ чиновный миротворецъ.

Не желая обращаться къ властямъ ни съ какими *прошеніями*, стачечники нерѣдко предъявляли имъ теперь очень настойчивыя *требованія*. Такъ, напримѣръ, рабочіе Н. Бумагопрядильни рѣшились требовать освобожденія своихъ товарищей, арестованныхъ ночью съ 16 на 17 января. 18-го числа, часовъ около 10 утра, толпа около 200 человѣкъ собралась недалеко отъ зданія фабрики. Здѣсь было прочитано и одобрено слѣдующее заявленіе:

„Мы, рабочіе Новой Бумагопрядильни, симъ заявляемъ, что не пойдемъ на работу, пока не будутъ уважены всѣ наши заявленныя хозяину требованія. Что же касается полиціи, то мы отказываемся отъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны для примиренія насъ съ хозяиномъ, пока не будутъ освобождены наши товарищи, люди, за которыми мы не знаемъ ничего худого. Если ихъ обвиняютъ въ чемъ либо, пусть судятъ ихъ у мирового, при чемъ мы всѣ будемъ свидѣтелями ихъ невинности. Теперь же ихъ арестовали и держатъ безъ суда и слѣдствія, что противно, даже существующимъ законамъ“.

Когда читалось это заявленіе, подошелъ околодочный; онъ предложилъ рабочимъ пойти къ участку для объясненія съ приставомъ, но они предпочли переговорить съ градоначальникомъ. Путь ихъ къ дому градоначальника лежалъ черезъ Загородный проспектъ. На немъ есть или, по край-

ней мѣрѣ, былъ домъ „мѣщанской гильдіи“ съ проходнымъ дворомъ. Едва рабочіе прошли черезъ этотъ дворъ и вышли на Фонтанку, ихъ аттаковали жандармы съ приставомъ Бочарскимъ во главѣ, тѣмъ самымъ приставомъ, который только-что приглашалъ стачечниковъ притти къ нему для объясненій. По всей вѣроятности, полиція, еще наканунѣ узнавши о намѣреніи рабочихъ добиваться освобожденія заключенныхъ, заранѣе приготовилась къ отпору, и переданное околодочнымъ приглашеніе пристава было простой ловушкой. Видя, что не удастся заманить рабочихъ въ участокъ, г. Бочарскій пустился преслѣдовать ихъ, какъ Фараонъ убѣгавшихъ изъ Египта евреевъ.

Произошла свалка. Жандармы мяли лошадьми рабочихъ, рабочіе защищались, какъ умѣли. У нѣкоторыхъ оказались кистени, а знакомый уже читателю Иванъ, принимавшій горячее участіе въ стачкѣ, вытащилъ даже кинжалъ и ранилъ имъ лошадь наскакавшаго на него жандарма. Но силы были слишкомъ неравны, нападеніе было слишкомъ неожиданно. Жандармы побѣдили. Къ счастью для рабочихъ, упомянутый проходной дворъ обезпечилъ имъ довольно безопасное, хотя и безпорядочное отступленіе.

Со времени этой битвы полиція удесятерила свою энергію. Начались безпрерывные аресты. Нѣсколькихъ такъ называемыхъ зачинщиковъ выслали на родину, другихъ— въ сѣверныя губерніи. Рабочихъ били и даже грабили *. Лавочникамъ полиція прямо запретила давать стачечникамъ въ долгъ продукты. Зараженныя стачкою мѣстности были буквально наводнены «силищей жандармскою». Черезъ нѣсколько дней упорнаго сопротивленія рабочіе сдались, получивъ нѣкоторыя ничтожныя уступки.

Эта новая неудача измѣнила настроеніе бывшихъ стачечниковъ развѣ только въ смыслѣ еще большаго озлобленія противъ всяческаго начальства и еще большаго сочувствія къ революціонерамъ. Рабочая среда вообще все болѣе привыкала смотрѣть на революціонеровъ, какъ на своихъ естественныхъ друзей и союзниковъ, а на тайную земле-

*) Одинъ изъ стачечниковъ проходилъ недалеко отъ Н. Бумагопрядильни, играя на гармоникѣ. На него бросился жандармъ и выхватилъ гармонику. Рабочій отправился жаловаться на этотъ „дневной грабежъ“ въ участокъ. Его выругали, а гармоники не возвратили.

вольческую типографію, какъ на орудіе гласности, всецѣло предназначенное къ ихъ услугамъ. Такой взглядъ укрѣплялся даже въ тѣхъ уголкахъ Петербурга, куда не проникала революціонная пропаганда.

Однажды мнѣ, какъ члену редакціи «Земли и Воли», передали конвертъ съ надписью: *Господину Редактору.* Я нашелъ въ немъ двѣ четвертушки сѣрой бумаги. «Господинъ редакторъ,—написано было на одной четвертушкѣ,—пожалуйста напечатайте наше воззваніе, и если нужно, будьте такъ добры, поправьте». На другой написано было воззваніе: „*Голосъ рабочево народа, работающихъ и страдающихъ у подлеца Макселля*". Въ воззваніи говорилось, что рабочіе фабрики Макселля, доведенные до крайности хозяйскими притѣсненіями, видятъ себя вынужденными прибѣгнуть къ стачкѣ и, сообщая объ этомъ остальнымъ петербургскимъ рабочимъ, просятъ ихъ поддержки. Текста воззванія я на память, разумѣется, возстановить не могу. Помню только одну фразу изъ середины:—„*мы работаемъ, стараемся, а онъ свенья не доволинъ нами*"—да заключительныя слова:—„*Будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго*". Зато я хорошо помню общее впечатлѣніе, произведенное воззваніемъ на меня и на моихъ товарищей по редакціи. Мы положительно пришли въ восторгъ. Столько свѣжаго чувства, столько простоты и непосредственности, столько трогательной неумѣлости и вмѣстѣ съ тѣмъ, столько неотразимой убѣдительности было въ этой далеко не грамотной прокламаціи, что мы сочли непозволительнымъ дѣлать въ ней какія нибудь существенныя измѣненія и ограничились исправленіемъ грамматическихъ ошибокъ. Едва ли не на слѣдующій же день воззваніе было отпечатано и передано авторамъ. Вотъ что узналъ я о причинѣ неудовольствія макселлевскихъ фабричныхъ.

Низкая плата, непомѣрно длинный рабочій день, штрафы и придирки мастеровъ и подмастерьевъ,—все это, разумѣется, имѣло мѣсто на фабрикѣ г. Макселля, какъ и на другихъ фабрикахъ. Но этотъ почтенный предприниматель внесъ, кромѣ того, еще одну особенность въ практикуемый имъ способъ эксплуатаціи рабочей силы. Около своей фабрики (за Невской заставой) онъ выстроилъ большой домъ для помѣщенія своихъ рабочихъ. Другими словами, къ вы-

годному ремеслу фабриканта онъ рѣшилъ присоединить тоже небезвыгодное ремесло домовладѣльца. Надо отдать ему справедливость—домъ его былъ построенъ очень хорошо, жить въ немъ было бы очень удобно, несравненно удобнѣе, чѣмъ въ тѣхъ грязныхъ домахъ безъ воздуха и свѣта, гдѣ ютились его рабочіе. Бѣда заключалась лишь въ томъ, что назначенныя г. Максëллемъ квартирныя цѣны были сравнительно очень высоки и ужъ во всякомъ случаѣ не по средствамъ фабричныхъ рабочихъ. Вотъ почему тѣ и не хотѣли селиться въ его фаланстерѣ. Съ своей стороны, просвѣщенный капиталистъ такъ твердо рѣшился облагодѣтельствовать свои «рабочія руки», что не отступалъ даже передъ очень крутыми мѣрами. Онъ грозилъ немедленно прогнать съ фабрики всѣхъ консерваторовъ, отказывающихся жить въ его домѣ. Отсюда — раздраженіе рабочихъ, рѣшившихся стачкой положить конецъ оздоровительному упорству г. Максëлля. Совершено безъ всякихъ „постороннихъ внушеній“ и помимо всякаго вліянія затронутыхъ революціонной пропагандой „бунтовщиковъ“, — такихъ не было на ихъ фабрикѣ,—они выработали планъ дѣйствій, а для исполненія его сочли необходимымъ обратиться за помощью къ рабочему населенію Петербурга и къ революціонному обществу „Земля и Воля“. Нечего и говорить, что воззваніе было написано ими самими, но слѣдуетъ прибавить, что мысль о немъ подана была имъ примѣромъ „шавинскихъ“ и „новоканавскихъ“ рабочихъ, которые, какъ я уже сказалъ, во время своей стачки обращались съ воззваніемъ „*къ рабочимъ всѣхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ*“. Вѣроятно, это послѣднее воззваніе тогда же попало на фабрику Максëлля, очень возможно также, что максëллевскіе рабочіе не отказались поддержать стачечниковъ своими трудовыми грошами, и теперь были увѣрены, что и имъ не откажутъ въ такой же поддержкѣ. Заключительныя слова «голоса рабочаго народа, работающихъ и страдающихъ у подлеца Максëлля» были цѣликомъ заимствованы изъ одного воззванія, напечатаннаго по поводу второй стачки на Обводномъ каналѣ. Эти слова: „будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго“— какъ видно, хорошо выразили тогдашнее настроеніе петербургскихъ рабочихъ, потому что послѣ неизмѣнно повто-

рялись ими во всевозможныхъ случаяхъ ихъ борьбы съ полиціей и предпринимателями.

Вообще въ то время рабочее движеніе росло съ небывалой быстротой. Любопытно видѣть, какъ отражалось это явленіе въ тогдашней революціонной литературѣ.

Передовая статья № 4 „Земли и Воли", вышедшаго въ свѣтъ 20 февраля 1879 г., цѣликомъ посвящена вопросу о роли городскихъ рабочихъ „въ боевой народно-революціонной организаціи". „Волненія фабричнаго населенія, говорится въ этой статьѣ, постоянно усиливающіяся и составляющія теперь злобу дня, заставляютъ насъ, раньше чѣмъ мы разсчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашимъ городскимъ рабочимъ въ этой организаціи. Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются впередъ, на подобающее имъ мѣсто, *вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей*" *). Чрезвычайно характерно это, невзначай вырвавшееся у народника признаніе. Рабочій вопросъ, дѣйствительно, самою жизнью выдвигался впередъ, наперекоръ народнической догматикѣ. Неудивительно, что разрѣшить его нельзя было съ помощью этой догматики. Народническая интеллигенція могла лишь, подобно автору указанной статьи, рекомендовать рабочимъ-соціалистамъ „агитацію", „агитацію", „агитацію" и „агитацію", да упрекать ихъ въ томъ, что они, будто бы забывая объ этой агитаціи, слушаютъ „чтенія о каменномъ періодѣ или о планетахъ небесныхъ". Къ началу 1879 года *рабочее движеніе* переросло *народническое ученіе* на цѣлую голову. Въ виду этого неудивительно, что наиболѣе развитая часть петербургскихъ рабочихъ, вошедшая въ основанный около того времени „*Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ*", въ своихъ политическихъ взглядахъ и стремленіяхъ значительно разошлись съ бунтарями-народниками.

IV.

„*Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ*" естественно возникъ изъ того ядра петербургской рабочей организаціи, которое, какъ я говорилъ въ первой статьѣ, составилось изъ „ста-

*) Курсивъ мой.

рыхъ“ испытанныхъ революціонеровъ-рабочихъ. Формальное основаніе Союза относится, насколько могу припомнить, къ концу 1879 года. Уже съ первыхъ недѣль своего существованія онъ насчитывалъ не менѣе 200 членовъ, а вокругъ него группировалось, по крайней мѣрѣ столько же сочувствующихъ, но еще не посвященныхъ въ организаціонную тайну рабочихъ. Большинство членовъ его принадлежало къ числу „заводскихъ“. Въ каждомъ значительномъ рабочемъ кварталѣ Петербурга были особые кружки, составлявшіе мѣстную вѣтвь Союза. Каждая вѣтвь имѣла свою кассу и свою „конспиративную“ квартиру. Для завѣдыванія ея дѣлами выбирался небольшой комитетъ. Члены мѣстнаго комитета были въ то-же время членами *Центральнаго Кружка*, который собирался черезъ извѣстные промежутки времени по общимъ дѣламъ Союза. Въ распоряженіи *Цетральннаго Кружка* находилась особая касса, а также союзная *библіотека.* Центральная касса, какъ и мѣстныя кассы, пополнялась членскими взносами. Около времени второй стачки на Новой Бумагопрядильнѣ въ ней было руб. 150 — 200. Эта „свободная наличность“, какъ выразился бы г. Вышнеградскій, вся ушла на поддержку стачечниковъ, но члены Союза исправно дѣлали свои взносы, и потому пустою касса его никогда не оставалась. Что касается библіотеки, то ею особенно дорожилъ и гордился Союзъ. И дѣйствительно, она была самымъ цѣннымъ его достояніемъ. Составилась она частью изъ купленныхъ рабочими, а больше изъ пожертвованныхъ интеллигенціей книгъ. Собирались эти книги въ теченіи цѣлаго года и собирались такъ старательно, что едва ли хоть одинъ гражданинъ „интеллигентной“ республики Петрополя избѣжалъ неожиданнаго книжнаго налога. Много хламу подарила рабочимъ интеллигенція, но подарила не одинъ хламъ, По пословицѣ „съ міру по ниткѣ — голому рубаха“, у Союза образовался большой запасъ книгъ по самымъ различнымъ отраслямъ знанія. Число книгъ было такъ велико, что нельзя было хранить ихъ въ одной рабочей квартирѣ. Вслѣдствіе этого библіотека была подраздѣлена на нѣсколько частей и развезена по различнымъ рабочимъ кварталамъ. Каждый кварталъ имѣлъ своего библіотекаря, у котораго былъ полный списокъ *всѣхъ* принадлежавшихъ Союзу книгъ. Если кто нибудь изъ членовъ мѣстной вѣтви выбиралъ по этому списку такое сочиненіе, котораго не было въ библіотекѣ

аннаго квартала, то библіотекарь представлялъ заявленное требованіе очередному собранію Центральнаго Кружка, и книга доставлялась изъ другого квартала. Благодаря такой постановкѣ дѣла, полиціи все же не такъ легко было открыть существованіе библіотеки и „накрыть" ея обладателей. Пользовались книгами, черезъ посредство знакомыхъ членовъ, и не принадлежавшіе къ Союзу рабочіе, но о существованіи библіотеки, разумѣется, не знали.

Практика скоро обнаружила главнѣйшій недостатокъ новой организаціи. Союзъ, какъ цѣлое, могъ дѣйствовать только по рѣшенію Центральнаго Кружка, собиравшагося раза два въ недѣлю. Занятые работой и живущіе въ различныхъ частяхъ города, а иногда и за городомъ, члены Центральнаго Кружка не могли встрѣчаться чаще. Но въ промежутокъ времени между двумя его собраніями могли совершиться событія, требовавшія немедленнаго дѣйствія со стороны Союза. Какъ поступить въ такомъ случаѣ? Уставъ не говорилъ. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, до очереднаго собранія Центральнаго Кружка оставалось два дня. Халтуринъ, тотчасъ узнавшій о ней, очутился въ очень затруднительномъ положеніи: до *очереднаго* собранія стачка легко могла быть подавлена полиціей, а между тѣмъ, чтобы обѣгать всѣхъ членовъ Центральнаго Кружка и созвать ихъ на *чрезвычайное* собраніе (извѣстно, что къ почтѣ русскіе революціонеры, по понятной причинѣ, прибѣгаютъ очень неохотно), надо было тоже не менѣе двухъ дней. Замедленіе во всякомъ случаѣ было неизбѣжно, и Халтурину пришлось на первое время ограничиться личными сношеніями со стачечниками. Придать организаціи Союза большую легкость и подвижность можно было лишь избраніемъ особаго распорядительнаго комитета, состоящаго изъ небольшого числа лицъ и имѣющаго право, въ важныхъ случаяхъ, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, не дожидаясь собраній. Къ этой мысли, кажется, и пришли потомъ члены Союза.

Возникновенію Союза нельзя было не радоваться даже съ нашей тогдашней, народнической, точки зрѣнія. Но программа его причинила намъ не малое огорченіе. Въ ней— о, ужасъ! — прямо было сказано, что рабочіе считаютъ завоеваніе политической свободы необходимымъ условіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ своего движенія. Мы, презиравшіе

„буржуазную“ свободу и считавшіе ее опасной ловушкой, оказались въ положеніи высидѣвшей утятъ курицы. Въ особой замѣткѣ, посвященной обзору новой программы, редакція „Земли и Воли“ мягко, но рѣшительно высказалась противъ рабочей ереси. Въ замѣткѣ повторены были тѣ доводы, которые обыкновенно выставлялись народниками и бакунистами противъ „политики“. Но членамъ Союза такіе доводы перестали казаться убѣдительными. Въ отвѣтъ на замѣтку они прислали длинное письмо въ редакцію, въ которомъ говорили, что рѣшительно не видятъ, какъ можетъ успѣшно идти рабочее движеніе при отсутствіи политической свободы, и какимъ образомъ для рабочихъ можетъ быть невыгодно пріобрѣтеніе ими политическихъ правъ *). Тяжело было народникамъ слышать отъ рабочихъ столь „буржуазныя“ разсужденія! Но еще тяжелѣе поразило ихъ почудившееся имъ въ письмѣ презрѣніе Союза къ крестьянству. Дѣло въ томъ, что, защищая свое требованіе политической свободы, авторы письма сказали, между прочимъ, что вѣдь они, рабочіе, *не Сысойки*. Это выраженіе истолковано было революціонной интеллигенціей въ смыслѣ кичливаго презрѣнія къ деревнѣ. Но правильно ли было подобное истолкованіе? Конечно, нѣтъ. Слова—„мы не Сысойки“ свидѣтельствовали только о томъ, что русскіе рабочіе уже тогда стояли безконечно выше того „простонародья“, на которое ссылались всѣ соціалисты — противники политической свободы. Съ давнихъ поръ наши соціалисты „изъ интеллигенціи“ утверждали, что „простонародью“ не нужно свободы печати, такъ какъ книгъ и газетъ оно не читаетъ и, слѣдовательно цензурнымъ уставомъ не интересуется; что ему не нужно политическихъ правъ, такъ какъ, задавленное бѣдностью, оно политической жизнью своей страны не интересуется; что его интересы затрагиваются только экономическими порядками, политическія же формы для него безразличны и т. п., и т. п. Такъ разсуждалъ иногда еще Чернышевскій, и такъ же разсуждали и мы, когда предостерегали рабочихъ отъ увлеченія политикой. Но развитому рабочему очень трудно

*) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ № 5 „Земли и Воли“, въ которомъ появилось письмо рабочихъ, и окончанія 4-го № содержащаго вышеупомянутую замѣтку редакціи. Поэтому, я указываю только на общій смыслъ поднявшейся полемики, который я очень хорошо помню.

было согласиться съ нами. „Какъ же это такъ? Простому человѣку не нужно свободы печати, потому что онъ *ничего не читаетъ;* не нужно политическихъ правъ, потому что онъ *не интересуется* борьбою политическихъ партій! Что же хорошаго въ простомъ человѣкѣ, отличающемся подобными отрицательными свойствами? Вѣдь это Сысойка! И вѣдь пока простонародье будетъ состоять изъ Сысоекъ, соціализмъ останется несбыточною мечтою! Простонародье *должно читать*, и потому *должно* добиваться *свободы печати*; оно *должно интересоваться* политическими дѣлами своей страны, и потому *должно добиваться политическихъ правъ*; оно *должно имѣть свои союзы и собранія,* и потому *должно добиваться свободы союзовъ и собраній*. И не только *должно*. Оно отчасти *уже* читаетъ книги, *уже* чувствуетъ потребность въ союзахъ и собраніяхъ, *уже* стремится выступить на политическую арену. Оно *уже* переросло Сысоекъ. Мы, рабочіе, *уже* не таковы, какимъ воображаютъ народъ его интеллигентные доброжелатели. Доказательствомъ этому служитъ наше собственное движеніе. Но все это только начало. Если мы хотимъ итти впередъ, намъ непрѣменно нужно сбить заграждающія нашъ путь полицейскія рогатки!“ Вотъ—смыслъ отвѣтнаго письма Союза и въ особенности словъ: „мы не Сысойки“. Можетъ быть, авторы письма не выяснили его себѣ тогда со всѣхъ сторонъ; можетъ быть, Сысоекъ они упомянули не затѣмъ, чтобы однимъ мѣткимъ словомъ характеризовать тотъ идеальный „народъ“, котораго бунтари готовы было противопоставлять будто бы зараженному буржуазнымъ духомъ петербургскому пролетаріату. Но характеристика все-таки была дана, хотя бы и не преднамѣренно. Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ сознавалъ, что онъ состоитъ не изъ Сысоекъ. И именно это сознаніе свидѣтельствовало объ его политической зрѣлости.

Какъ бы тамъ ни было, будущій историкъ революціоннаго движенія въ Россіи долженъ будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ семидесятыхъ годахъ требованіе политической свободы явилось *прежде всего въ рабочей программѣ*. Это требованіе сближало „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“ съ западно-европейскими рабочими союзами, придавало ему *соціаль-демократическую* окраску. Говорю—*окраску*, потому что вполнѣ соціаль-демократической программу союза признать было бы невозможно. Въ нее вошла не малая доза

народничества. Этой прилипчивой болѣзни трудно было избѣжать въ Россіи, да притомъ авторы программы, разойдясь съ нами по коренному вопросу о политической свободѣ, не чужды были, кажется, желанія позолотить пилюлю, порадовавъ насъ народническими требованіями.

Напечатанная въ видѣ отдѣльнаго листка, программа Союза не была, къ сожалѣнію, перепечатана ни въ одномъ революціонномъ изданіи. Найти ее теперь можно было бы только въ архивахъ покойнаго Третьяго Отдѣленія. Говоря о ней на память, я не могу входить ни въ какія подробности.

Извѣстіе объ основаніи Союза радостно встрѣчено было рабочими всюду, куда доходило. Варшавскіе рабочіе привѣтствовали петербургскую организацію адресомъ, въ которомъ говорили, что пролетаріатъ долженъ быть выше національной вражды и преслѣдовать общечеловѣческія цѣли. Союзъ отвѣчалъ имъ въ томъ же духѣ, выражалъ надежду на скорую побѣду надъ общими врагами и заявлялъ, что не отдѣляетъ своего дѣла отъ дѣла рабочихъ всего міра. Это былъ едва ли не первый примѣръ дружескихъ сношеній русскихъ рабочихъ съ польскими.

Союзъ не думалъ ограничивать поле своей дѣятельности однимъ Петербургомъ. Самое названіе его (*Сѣверно-Русскій* союзъ) принято было лишь на время, лишь до тѣхъ поръ, пока не пристанутъ къ нему рабочіе провинціальныхъ городовъ. Идеаломъ вожаковъ Союза была единая и стройная *всероссійская рабочая организація*.

V.

Что представляли тогда собою провинціальные рабочіе? Насколько коснулось ихъ революціонное движеніе? Читатель знаетъ, что пропагадна между рабочими считалась народнической интеллигенціей побочнымъ дѣломъ; что ея революціонныя программы никогда не отводили рабочему классу самостоятельной роли. Главныя силы интеллигентныхъ революціонеровъ направлялись на крестьянскую массу. Отсюда вытекали такого рода, на первый взглядъ странныя, явленія.

Какъ промышленный центръ, Москва почти не уступаетъ Петербургу. Но въ Петербургѣ происходило значительнне рабочее движеніе, въ Москвѣ оно было слабѣе, чѣмъ въ

Кіевѣ или въ Одессѣ. „Рабочее дѣло“ всегда было обязано своими успѣхами случайнымъ причинамъ. Центромъ сѣверно-русскихъ революціонныхъ организацій интеллигенціи являлся Петербургъ. Тамъ всегда было много свободныхъ революціонныхъ силъ. И уже одного этого было достаточно, чтобы тамъ началась пропаганда между рабочими. Изъ Москвы революціонныя силы стремились въ Петербургъ, или даже въ большіе города юга. Въ Москвѣ „рабочее дѣло“ могло бы начаться только въ томъ случаѣ, если бы ему придавалось самостоятельное значеніе. Но это условіе отсутствовало, поэтому и было слабо въ Москвѣ „рабочее дѣло“.

Въ Саратовѣ очень мало развита фабрично-заводская промышленность; тамошніе рабочіе — по преимуществу мелкіе ремесленники, а между тѣмъ въ 1877 — 78 — 79 г.г. тамъ постоянно жилъ то тотъ, то другой „землеволецъ“, занимавшійся исключительно пропагандой между рабочими. Владимірская губернія усѣяна фабриками, ея населеніе мѣстами сплошь состоитъ изъ фабричныхъ рабочихъ, но никому изъ землевольцевъ и въ голову не пришло поселиться во Владимірской губерніи. Поволжье считалось мѣстностью, въ которой крестьянство еще сохранило свои революціонныя „преданія“. Поэтому оно избрано было главной ареной „бунтарской“ дѣятельности. Въ Самарской, въ Саратовской, въ Астраханской губерніяхъ заводились „поселенія въ народѣ“, Саратовъ былъ главной квартирой дѣйствовавшихъ „въ народѣ“ землевольцевъ. Поэтому они считали полезнымъ и нужнымъ обезпечить себѣ поддержку его рабочаго населенія: когда поднимется поволжское крестьянство пригодятся и саратовскіе рабочіе. Во Владимірскомъ же промышленномъ округѣ торжествовалъ капитализмъ, въ этой несчастной мѣстности съ незапамятныхъ временъ прекратились значительныя крестьянскія движенія, въ ней умерли народныя „преданія“, исказились народные „идеалы“. Поэтому ходить туда землевольцамъ незачѣмъ. *Призракъ оказался сильнѣе дѣйствительности.* Постоянно мелькавшія въ зоображеніи бунтарей тѣни Разина и Пугачева больше вліяли на распредѣленіе революціонныхъ силъ, чѣмъ дѣйствительный ходъ экономическаго развитія. До какой степени ошибались бунтари въ оцѣнкѣ живыхъ силъ народа, можетъ показать слѣдующій замѣчательный фактъ. Въ 1878 г. землевольцы много толковали о томъ, чтобы про-

никнуть въ Ярославскую губернію. Вы подумаете, можетъ быть, что ихъ почему либо превлекало къ себѣ тамошнее рабочее населеніе? Совсѣмъ нѣтъ, о тамошнихъ рабочихъ забыли и думать. Тутъ была другая и ужъ поистинѣ болѣе тонкая причина. Изъ „*Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*“ Кельсіева землевольцы узнали, что въ Ярославской губерніи процвѣтала когда-то секта бѣгуновъ. Одинъ бунтарь „слышалъ“ даже, что и теперь существуютъ бѣгуны въ одномъ селѣ Ярославской губерніи. Вотъ и думали снарядить экспедицію для ихъ изловленія. Но бѣгунъ потому и называется бѣгуномъ, что вѣчно бѣгаетъ. Изловить его не такъ легко, какъ „поселиться“ среди мирноживущаго подъ игомъ своихъ „идеаловъ“ крестьянства. Увидя, что подступа къ ярославскимъ бѣгунамъ не имѣется, бунтари махнули рукой на Ярославскую губернію. Интересоваться ею изъ за однихъ рабочихъ не позволяла программа.

Въ тѣхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ интеллигенція, по тѣмъ или другимъ причинамъ, находила нужнымъ шевелить трудящееся населеніе, рабочіе кружки непрерывно существовали съ самаго начала семидесятыхъ годовъ. Иногда ихъ разбивала полиція, иногда, вяло поддерживаемые интеллигенціей, они дѣйствовали очень вяло, но въ общемъ почва для революціонной рабочей оранизаціи была и въ провинціи достаточно уже подготовлена.

Въ Одессѣ рабочая масса настолько сочувствовала революціонерамъ, что во время суда надъ Ковальскимъ (въ іюлѣ 1878 г.) она принимала дѣятельное участіе въ демонстраціи передъ зданіемъ суда *). Относительно Харькова у

*) См. статью „Одесса во время суда надъ Ковальскимъ“ въ № 2 „Земли и Воли“. „Изъ пяти дней судебнаго разбирательства три выпали на долю праздничныхъ, когда народъ не работаетъ, говоритъ авторъ этой статьи. Это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало скопленію публики у зданія суда“. Какъ вела себя эта, *въ значительной степени* рабочая публика, читатель можетъ видѣть изъ той же статьи. Я приведу изъ нея только одинъ эпизодъ. Когда войска оттѣснили толпу отъ суда, часть ея направилась къ Приморскому бульвару. „На бульварѣ аристократія сибаритничала за столами, уставленными напитками и явствами.—Сволочь! обратился одинъ рабочій къ благодушествующимъ, вы объѣдаетесь и опиваетесь въ ту минуту, когда осуждаютъ людей на смертную казнь! Палачи предаютъ смерти одного изъ лучшихъ сыновъ русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы прокляты!“ Это было сказано среди бѣла дня, подъ солдатскими ружьями и казацкими пиками.

насъ есть любопытное свидѣтельство мѣстнаго губернатора „Соціальныя ученія, писалъ онъ въ своемъ „всеподданнѣйшемъ“ отчетѣ за 1877-й годъ—къ счастью и несмотря на дѣлаемыя многочисленныя попытки со стороны злоумышленниковъ, можно сказать, вовсе еще не проникли въ среду сельскаго населенія, остающагося вѣрнымъ началамъ религіи, нравственности и порядка. Нельзя того же сказать о низшемъ классѣ городскаго населенія, которое, подкапываемое соціальными ученіями, во многомъ утратило прежнюю неприкосновенность религіозныхъ вѣрованій и патріархальности семейныхъ отношеній. Классъ фабричныхъ рабочихъ, весьма многочисленный въ Харьковѣ, *) требуетъ усиленнаго надзора и не представляетъ залоговъ устойчивости противъ распространенія новыхъ ученій. Въ средѣ этого населенія революціонная пропаганда встрѣчаетъ постоянное сочувствіе, и въ случаѣ какого либо движенія въ смыслѣ перехода отъ теоріи къ дѣйствію, классъ харьковскихъ рабочихъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, не представитъ отпоры возмутителямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія подслушанные агентомъ полиціи въ средѣ фабричнаго населенія разговоры объ обременительности податей, о неизвѣстности, на что и куда тратятся деньги, забираемыя съ народа, о безконтрольности правительства и тому подобныя сужденія, неслыханныя въ простомъ народѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Конечно, свобода сужденій повременной печати могла частію навѣять подобныя мысли, но несомнѣнно, что главными виновниками подобнаго настроенія фабричнаго населенія это — распространители революціонной пропаганды, усиленно работающіе между фабричными города Харькова. Вообще политическое состояніе губерніи, спокойное въ отношеніи массы сельскаго населенія, помѣстнаго дворянства и вообще владѣльцевъ недвижимой собственности, весьма тревожно въ отношеніи низшихъ классовъ городского населенія, учащейся молодежи и тѣхъ подонковъ общества, неимѣющихъ ничего терять,

---

*) Это невѣрно, фабричныхъ рабочихъ не много въ Харьковѣ но не въ томъ дѣло.

которые столь многочисленны въ большихъ городахъ *). Въ отчетѣ Екатеринославскаго губернатора за 1879 г., навѣрное, заключались столь же рѣзкія выраженія по адресу „низшаго класса населенія“ Ростова на Дону. Извѣстно, что у ростовской полиціи были въ томъ году большія непріятности съ рабочими.

Не помню точно, въ какой день праздника Пасхи, полицейскіе схватили на базарѣ подгулявшаго рабочаго и потащили его въ часть, какъ водится, не жалѣя пинковъ и подзатыльниковъ. „Братцы, заступитесь, закричалъ рабочій покрывавшему базарную площадь народу, изувѣчатъ меня въ части!“ Народъ зашевелился; довольно значительная толпа рабочихъ послѣдовала за уводившими арестованнаго полицейскими, прося ихъ отпустить его. Тѣ отвѣчали ругательствами и, введя арестованнаго въ зданіе части, принялись колотить его не на животъ, а на смерть. Услыхавъ его отчаянные крики, толпа стала бросать камни въ окна и ломиться въ ворота частнаго дома. Кто-то крикнулъ, что слѣдуетъ разнести всю часть. Сдѣлать это было не такъ-то легко: ея крѣпкія ворота были заперты, въ окнахъ нижняго этажа стояли городовые съ обнаженными шашками и револьверами. Начался правильный приступъ. Нѣсколько дюжихъ молодцовъ притащили откуда-то огромное бревно; толпа поняла ихъ мысль, бревно схватили десятки рукъ; распѣвая „дубинушку“, имъ стали дѣйствовать, какъ тараномъ, и черезъ нѣсколько минутъ ворота были выбиты. Народъ ворвался въ часть. Полицейскіе, которые успѣли тѣмъ временемъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ нападавшихъ, моментально скрылись черезъ имъ однимъ извѣстные ходы. Въ самое короткое время часть была разнесена.

Покончивъ съ нею, толпа бросилась на остальныя части,

*) См. „*Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета харьковскаго губернатора за 1877-й годъ*“ въ № 2 „*Земли и Воли*“. „Подслушанные агентомъ полиціи“ толки „о безконтрольности правительства“ и т. д. показываютъ, что и харьковская рабочая среда начинала сознавать значеніе политическихъ правъ и политической свободы. Казалось бы, что нашимъ либераламъ нужно было прежде всего искать опоры въ подобной средѣ. Но они, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, ни о чемъ такъ охотно не разсуждаютъ, какъ о незрѣлости и непригодности русскаго рабочаго класса къ борьбѣ за политическую свободу. Удивительно проницательные и глубокомысленные люди.

потомъ опустошила квартиры полицеймейстера и нѣкоторыхъ квартальныхъ. О сопротивленіи ей никто не думалъ. Полуживой отъ страха полицеймейстеръ прятался въ Нахичевани, а военныя власти Ростова не увѣрены были даже въ томъ, что имъ удастся оборонить банкъ и острогъ (гдѣ сидѣло нѣсколько „политическихъ"). Разумѣется, полетѣли телеграммы къ губернатору, изъ Новочеркасска двинулись для усмиренія казаки, а въ Таганрогѣ стала готовиться къ выступленію артиллерія *). Но, пока что, городъ былъ въ рукахъ „бунтовщиковъ".

Я пріѣхалъ въ Ростовъ на другой же день послѣ „разнесенія" частей и видѣлъ всѣ его слѣды. Невозможно представить себѣ картину болѣе полнаго опустошенія. Въ зданіяхъ частей выломаны были полы, выбиты стекла съ рамами и двери съ притолоками, разрушены печи, попорчены крыши. И на далекое разстояніе мостовая, усѣянная обломками мебели, покрыта была, какъ снѣгомъ, клочками порванныхъ полицейскихъ бумагъ.

— Какая дикость!—воскликнетъ иной благовоспитанный читатель.

Конечно,—дикость. Но вѣдь противодѣйствіе равняется дѣйствію, и странно удивляться, что дикій произволъ полиціи вызываетъ дикую, подчасъ, ярость народа.

А въ то же время замѣтьте, что эта разъяренная толпа умѣла сохранить свое достоинство. Никто изъ опустошителей не позволилъ взять себѣ ничего изъ уничтожаемаго имущества полицейскихъ. Это тогда же подтверждено было всѣми очевидцами. Только когда стали „разносить" домъ полицеймейстера и выкинули на улицу нѣсколько штукъ прекраснаго полотна, какой-то солдатъ попросилъ себѣ кусокъ на рубаху. Толпа удовлетворила просьбу „служиваго", тутъ же уничтоживъ весь остатокъ.

Еще одна черта. Разбивши одну часть и направляясь къ другой, толпа проходила мимо еврейской синагоги. Мальчикъ кинулъ камень въ ея окно. Его сейчасъ же остано-

*) Вскорѣ послѣ этого я познакомился съ однимъ изъ стоявшихъ въ Таганрогѣ артиллерійскихъ офицеровъ. „У насъ офицеры говорили, что они не станутъ стрѣлять въ народъ"—сказалъ мнѣ мой новый знакомый. Не знаю, какъ другіе, а этотъ человѣкъ не ограничился бы словами. Впослѣдствіи онъ дѣломъ доказалъ свое сочувствіе революціонерамъ.

вили. „Не трогай жидовъ, сказали ему, нужно бить не жидовъ, а полицію“.

Настояцая „дикость“ выступила на сцену только ночью, въ лицѣ многочисленныхъ въ Ростовѣ „*босяковъ*“. Буйно провела эту ночь ростовская „босая команда“! Обрадовавшись отсутствію полиціи, она прежде всего поспѣшила разграбить питейные дома, а потомъ, напившись до безпамятства, обрушилась на публичные дома и стала бить несчастныхъ проститутокъ. Явившіяся на слѣдующее утро войска положили конецъ этимъ безобразіямъ, въ которыхъ рабочіе совсѣмъ не участвовали и которыми они возмущались до такой степени, что безъ прихода войскъ ихъ анти-полицейское движеніе, вѣроятно, прекратилось бы въ силу естественной реакціи противъ подвиговъ босой команды.

Несмотря на такой неожиданно-плачевный оборотъ ростовской „революціи“, воспоминаніе о ней долго еще ободряло рабочихъ, какъ наглядный примѣръ того, что народъ можетъ дать хорошій урокъ даже и всемогущей въ Россіи полиціи.

Мнѣ разсказывали, что когда слухъ о „разнесеніи“ ростовской полиціи дошелъ до углекоповъ Донецкихъ копей, они двинулись отрядомъ въ 150—200 человѣкъ на помощь ростовцамъ, но дорогой узнали о возстановленіи „порядка“ и поспѣшили возвратиться домой.

Что касается существовавшихъ въ провинціальныхъ городахъ революціонныхъ рабочихъ кружковъ, то лично я зналъ такіе кружки въ Ростовѣ, Саратовѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. По составу своему они были гораздо разнообразнѣе, смѣшаннѣе петербургскихъ. Въ нихъ попадались члены, по развитію и по высокому уровню потребностей не уступавшіе петербургскимъ заводскимъ рабочимъ, но рядомъ съ ними попадались и совсѣмъ „сѣрые“, иногда неграмотные. Нерѣдко преобладали въ нихъ мелкіе самостоятельные ремесленники, и притомъ не подмастерья, а именно *хозяева*. Въ Петербургѣ я совсѣмъ не встрѣчалъ подобныхъ послѣдователей соціализма и чувствовалъ себя въ странномъ положеніи, когда, случалось, революціонеръ-*хозяинъ* совѣтовалъ мнѣ остерегаться его *работника*, какъ *ненадежнаго* человѣка. „Да, вѣдь, ты самъ эксплуататоръ, вѣдь на тебя два рабочихъ трудятся“,—шутилъ иногда со своимъ пріятелемъ-портнымъ, переѣхавшій изъ Петербурга въ Саратовъ „за-

водской“ В. Я. Портной конфузился,—Да что жъ дѣлать-то, братъ ты мой? Я и самъ не радъ, что теперь такіе порядки, а жить-то тоже надо. Вотъ придетъ революція, тогда ужъ не буду эксплуататоромъ“.

Мнѣ хотѣлось допытаться, откуда берется недовольство у людей этого слоя, какая изъ темныхъ сторонъ ихъ положенія яснѣе всего отражается въ ихъ сознаніи. „Очень ужъ насъ притѣсняетъ дума, всѣ городскіе расходы на насъ, бѣдняковъ, сваливаетъ“, объяснилъ мнѣ одинъ ростовскій мѣщанинъ, горячій революціонеръ, имѣвшій свою кузницу и нѣсколькихъ подмастерьевъ. Возможно, что и многіе другіе ремесленники-революціонеры были разбужены прежде всего безобразіями нашего городскаго „самоуправленія“.

„Чарочка“, „пьянка“, къ сожалѣнію, слишкомъ привлекательны иногда для русскихъ ремесленниковъ. Въ этомъ отношеніи они далеко оставляютъ за собою фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, у которыхъ я рѣдко замѣчалъ склонность къ злоупотребленію спиртными напитками.

На Волгѣ и на Дону между рабочими-революціонерами попадались люди, прежде придерживавшіеся раскола. Расколъ не имѣетъ, да и никогда не имѣлъ, серьезнаго значенія, какъ оппозиціонная общественная сила. Часто онъ дѣйствуетъ прямо вредно, пріучая человѣка къ обрядности, къ буквоѣдству, отвлекая его мысль отъ земныхъ нуждъ къ небесному блаженству. Но тяжелый жизненный опытъ и потребность въ чтеніи научили раскольниковъ не бояться запрещенной книги и уважать людей, страдающихъ за свои убѣжденія. Землевольцы „спропагандировали“ на Волгѣ молодаго бѣгуна, очень способнаго парня. По ихъ просьбѣ онъ написалъ воспоминанія о своей жизни между раскольниками. Изъ этихъ воспоминаній я какъ сейчасъ помню то мѣсто, гдѣ онъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ со ссыльными поляками. Совсѣмъ еще ребенокъ ѣхалъ онъ съ отцомъ изъ Тюмени въ одну изъ внутреннихъ губерній европейской Россіи. По дорогѣ столкнулись они съ партіей поляковъ. „Что это за люди?“ спросилъ мальчикъ отца.—А это, мой милый, поляки; ихъ гонитъ начальство не хуже насъ грѣшныхъ. Много горя принимаютъ они отъ правительства.“ Эта способность сочувствовать *политическому* „преступнику“ уже сама по себѣ можетъ послужить залогомъ сближенія съ такимъ „преступникомъ“, а потомъ—при благопріятныхъ

условіяхъ — и полнаго усвоенія его образа мыслей. И это тѣмъ болѣе, что между раскольниками встрѣчаются страстные и безпокойные искатели истины, неспособные надолго удовлетвориться сектантской догматикой. Я зналъ одного бывшаго раскольника, который уже пятидесятилѣтнимъ старикомъ присталъ къ революціонной партіи. Этотъ человѣкъ всю жизнь „ходилъ по вѣрамъ", забредалъ даже въ Турцію, ища между тамошними раскольниками „настоящихъ людей" и „настоящей правды", и, наконецъ, нашелъ искомую правду въ соціализмѣ, распростясь навсегда съ небеснымъ царемъ и всей душой возненавидѣвъ владыкъ земныхъ. Я не встрѣчалъ болѣе страстнаго, болѣе неутомимаго проповѣдника. Часто вспоминалъ онъ, бывало, о какомъ-то расколоучителѣ, очевидно, имѣвшемъ на него прежде сильное вліяніе. „Эхъ, кабы мнѣ теперь встрѣтить его, восклицалъ онъ, я бы объяснилъ ему, что есть истина!" Онъ былъ душою рабочаго кружка (гдѣ именно, не скажу, „страха ради іудейска") и его нельзя было запугать никакими преслѣдованіями. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ зналъ, что хорошо „принять мученическій вѣнецъ" за свои убѣжденія. Кончилъ онъ Сибирью.

Повторяю, всюду, гдѣ интеллигенція давала себѣ трудъ сходиться съ провинціальными рабочими, она могла похвалиться очень замѣтнымъ успѣхомъ. А если бы дѣлу сближенія съ рабочими она посвятила хоть половину тѣхъ силъ и средствъ, которыя потрачены были на „поселенія" и на разные агитаціонные опыты въ крестьянствѣ, то къ концу семидесятыхъ годовъ соціально революціонная партія твердо стояла бы уже на русской почвѣ. Рабочіе охотно шли на встрѣчу интеллигенціи.*) И въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ на Дону, мнѣ постоянно приходилось слышать однѣ и тѣ же жалобы, однѣ и тѣ же просьбы: „интеллигенція забываетъ о насъ; займитесь рабочимъ дѣломъ; пришлите

---

*) Въ шестидесятыхъ годахъ въ Саратовѣ жилъ подъ надзоромъ полиціи, впослѣдствіи оставившій Россію, А. Х. Х. Онъ сблизился со многими мѣстными рабочими. Они долго помнили его. Въ 1877 г. они разсказывали намъ, землевольцамъ, что со времени его пребыванія въ Саратовѣ въ мѣстной рабочей средѣ никогда не потухала зароненная имъ искорка революціонной мысли. Люди, никогда не знавшіе его лично, вели отъ него свою умственную родословную. Такой глубокій слѣдъ оставляетъ въ этой средѣ всякое доброе вліяніе!

изъ Петербурга хоть нѣсколькихъ знающихъ, ловкихъ людей,—вы увидите, какъ пойдетъ оно въ нашемъ городѣ."

Въ виду этого, какъ нельзя болѣе современнымъ являлось намѣреніе Центральнаго Кружка Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза войти въ правильныя сношенія съ провинціальными рабочими. Между его членами были люди, которые и по знаніямъ, и по энергіи, и по опытности могли поспорить съ любымъ „интеллигентомъ". Таковъ былъ, напримѣръ, Степанъ Халтуринъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ его имя, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Пора поближе познакомить читателя съ этой замѣчательной личностью.

VI.

Степанъ Халтуринъ родился въ Вяткѣ. Его родители, бѣдные мѣщане, посылали его въ дѣтствѣ въ какую-то школу, а затѣмъ отдали въ ученье къ столяру. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ скоро нашелъ мѣсто на заводѣ. Не знаю, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ захватило его революціонной волной, но въ 1875—76 гг. онъ былъ уже дѣятельнымъ пропагандистомъ. Если не ошибаюсь, въ первый разъ я встрѣтился съ нимъ дня за два до описанныхъ въ первой статьѣ похоронъ убитыхъ взрывомъ рабочихъ патроннаго завода. Я былъ въ числѣ „бунтарей", приглашенныхъ принять участіе въ задуманной по этому поводу демонстраціи, онъ—въ числѣ рабочихъ, подготовлявшихъ демонстрацію. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, наружность которыхъ не даетъ даже приблизительно вѣрнаго понятія объ ихъ характерѣ. Молодой, высокій и стройный, съ хорошимъ цвѣтомъ лица и выразительными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень красиваго парня; но этимъ дѣло и ограничивалось. Ни о силѣ характера, ни о выдающемся умѣ не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. Въ его манерахъ прежде всего бросалась въ глаза какая-то застѣнчивая и почти женственная мягкость. Говоря съ вами, онъ какъ будто и конфузился, и боялся обидѣть васъ некстати сказаннымъ словомъ, рѣзко выраженнымъ мнѣ-

ніемъ. Съ его губъ не сходила нѣсколько смущенная улыбка, которою онъ какъ бы заранѣе хотѣлъ сказать вамъ: „я такъ думаю, но если это вамъ не нравится, то прошу извинить“. Такими манерами отличались иногда въ доброе старое время молодые, благовоспитанные провинціалы на первыхъ шагахъ своей свѣтской карьеры. Но къ рабочему она мало подходила, и во всякомъ случаѣ не она могла убѣдить васъ въ томъ, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который далеко не грѣшилъ излишней мягкостью характера и недостаткомъ самоувѣренности.

Близко сойтись съ нимъ можно было только на дѣлѣ. Рабочему вообще некогда вдаваться въ тѣ безконечныя собесѣдованія, которыми любитъ услаждаться интеллигентная публика, и въ которыхъ собесѣдники выворачиваютъ другъ передъ другомъ всю свою душу. Степанъ же въ особенности не любилъ душевныхъ изліяній. Хотя во внѣшнемъ обращеніи застѣнчивость его исчезала при болѣе близкомъ знакомствѣ съ человѣкомъ, однако она всегда держала его на сторожѣ, дѣлая для него совершенно невозможнымъ то нравственное состояніе, которое обозначается словами: «душа на распашку». Побесѣдовать и онъ былъ не прочь, и при томъ не только со своимъ братомъ-рабочимъ, но и съ «интеллигентами». Пока онъ былъ легальнымъ, онъ даже охотно селился по сосѣдству со студентами и искалъ ихъ знакомства, заимствуясь у нихъ книгами и всякаго рода свѣдѣніями. Не рѣдко за-полночь засиживался онъ у такихъ сосѣдей. Но и тамъ онъ мало высказывался. Придетъ и подниметъ разговоръ на какую нибудь теоретическую тему. Хозяинъ оживится, обрадованный случаемъ просвѣтить темнаго рабочаго человѣка, говоритъ долго, вразумительно и по возможности «популярно», а Степанъ слушаетъ, лишь изрѣдка вставляя свое слово и внимательно, нѣсколько исподлобья, посматривая на собесѣдника своими умными глазами, въ которыхъ по временамъ появляется выраженіе добродушной насмѣшки. Въ его отношеніи къ студентамъ всегда была нѣкоторая доля юмора, пожалуй даже ироніи: знаю, молъ, я цѣну вашему радикализму; пока учитесь, всѣ вы—страшные революціонеры, а кончите курсъ, да получите мѣстечки, и какъ рукой сниметъ ваше революціонное настроеніе! Посмѣивался онъ также надъ студенческимъ трудолюбіемъ. «Видѣлъ я, какъ они рабо-

таютъ, говаривалъ онъ, развѣ это работа! Посидитъ часа два на лекціяхъ, почитаетъ часъ-другой книжку,—и готово, иди въ гости чай пить и разговоры разговаривать»! Къ рабочимъ онъ относился совсѣмъ иначе, подшучивать надъ ними не позволялъ ни себѣ и никому другому. Въ особенности—интеллигенціи. Какъ огонь вспыхивалъ онъ, когда интеллигентъ дѣлалъ при немъ какой-нибудь не совсѣмъ лестный отзывъ о рабочихъ. Въ рабочихъ видѣлъ онъ самыхъ надежныхъ, прирожденныхъ революціонеровъ, и ухаживалъ за ними какъ заботливая нянька: училъ, доставалъ книги, «опредѣлялъ къ мѣстамъ», мирилъ ссорящихся, журилъ виноватыхъ. Его очень любили товарищи. Онъ зналъ это и платилъ имъ еще большей любовью. При всемъ томъ, не думаю, чтобы и въ обращеніи съ ними его покидала привычная сдержанность. Не знаю, какъ велъ онъ себя съ тѣми рабочими, которыхъ привлекалъ къ дѣлу въ революціонныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Можетъ быть, тогда онъ и давалъ волю всему, что кипѣло у него на душѣ. Но на кружковыхъ рабочихъ собраніяхъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не клеилось, когда собравшіеся говорили что-нибудь несообразное, или уклонялись отъ предмета сходки, Степанъ прорывался. Краснобаемъ онъ не былъ,—иностранныхъ словъ, которыми любятъ пощеголять рабочіе, никогда почти не употреблялъ,—но говорилъ горячо, толково и убѣдительно. Его рѣчью и исчерпывались обыкновенно пренія. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающихъ. Между петербургскими рабочими были люди не менѣе его знавшіе и способные, были люди больше его видавшіе на своемъ вѣку, пожившіе за границей. Тайна огромнаго вліянія, своего рода диктатуры Степана заключалась въ неутомимомъ вниманіи его ко всякому дѣлу. Еще задолго до сходки онъ переговоритъ со всѣми, ознакомится съ общимъ настроеніемъ, обдумаетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленнымъ. Онъ выражаетъ общее настроеніе. То, что говоритъ онъ, сказалъ бы, вѣроятно, каждый изъ его товарищей, но они не такъ вдумчиво отнеслись къ дѣлу,—иные по лѣности, иные потому, что заняты были другими, можетъ быть, даже гораздо болѣе важными дѣлами, а Степанъ ни къ чему не могъ относиться невни-

мательно. Не было такой ничтожной практической задачи, рѣшеніе которой онъ беззаботно предоставилъ бы другимъ. Онъ приходилъ на собраніе съ совершенно установившимся взглядомъ на подлежавшій обсужденію вопросъ. Потому-то съ нимъ и соглашались. А съ другой стороны, потому то онъ и досадовалъ, потому-то онъ и горячился, когда пренія затягивались безъ толку. «Вѣдь это же все такъ просто, говорило его выразительное лицо, неужели же васъ могутъ затруднять подобные пустяки»?

Халтуринъ стличался большою начитанностью. Это вызвало невольное уваженіе къ нему, но и эта черта не могла особенно удивить человѣка, знавшаго заводскихъ рабочихъ: страстные любители чтенія вовсе не были рѣдкостью между ними. При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, однако, что и читалъ Степанъ такъ, какъ умѣютъ читать только немногіе. Онъ всегда хорошо зналъ, зачѣмъ именно раскрывалъ такую-то книгу. Къ тому же *мысль* постоянно шла у него рука объ руку съ *дѣломъ*. У него, напримѣръ, вовсе не было того интереса къ естественнымъ наукамъ, который замѣчается у многихъ рабочихъ. Все вниманіе его было поглощено общественными вопросами, и всѣ эти вопросы, какъ радіусы изъ центра, исходили изъ одного коренного вопроса о задачахъ и нуждахъ нарождавшагося русскаго рабочаго движенія. О чемъ бы ни читалъ онъ,— объ англійскихъ ли рабочихъ союзахъ, о великой ли революціи, или о современномъ соціалистическомъ движеніи,— эти нужды и задачи никогда не уходили изъ его поля зрѣнія. По тому, что читалъ Халтуринъ въ данное время можно было судить о томъ, какіе практическіе планы шевелятся въ его головѣ. Еще задолго до организаціи «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза» онъ принялся изучать европейскія конституціи.

— Что это ты на нихъ набросился?—спрашивали его.

— Да что же, вѣдь это интересно,—отвѣчалъ онъ.

Программа Союза лучше его объяснила, почему онъ набросился на конституціи: онъ обдумывалъ политическую программу русскихъ рабочихъ. Въ умственномъ трудѣ, какъ и во всемъ остальномъ, Халтуринъ былъ силенъ умѣньемъ сосредоточиться на данномъ предметѣ, не отвлекаясь отъ него ничѣмъ посторониимъ. Умъ его до такой степени исключительно поглощенъ былъ рабочимъ вопросомъ, что

ему едва-ли когда случилось заинтересоваться пресловутыми «устоями» крестьянской жизни. Онъ знакомился съ интеллигентами, слушалъ ихъ толки объ общинѣ, о расколѣ, о «народныхъ идеалахъ», но народническое ученіе такъ и осталось для него чѣмъ-то почти совсѣмъ чуждымъ.

— Что ты пишешь теперь?—спросилъ онъ меня незадолго до своего поступленія въ Зимній дворецъ. Я отвѣтилъ, что пишу разборъ одной только что вышедшей книги по исторіи общиннаго землевладѣнія. Это была очень серьезная книга, лично мнѣ оказавшая огромную услугу, такъ какъ она впервые и очень сильно поколебала мои народническія воззрѣнія, хотя я и спорилъ еще противъ ея выводовъ. Я былъ сильно заинтересованъ ею и подробно изложилъ Степану ея содержаніе. Онъ долго слушалъ, а потомъ вдругъ сразилъ меня неожиданнымъ вопросомъ: «да неужели это дѣйствительно такъ важно?» Община занимала самый почетный, передній уголъ въ моемъ народническомъ міросозерцаніи, а онъ даже не зналъ хорошенько стоитъ-ли изъ-за нее ломать литературныя копья.

Не легко было-бы мнѣ теперь опредѣдить его тогдашніе соціально-политическіе взгляды. Тогда я самъ смотрѣлъ на вещи далеко не такъ, какъ смотрю въ настоящее время. Могу сказать одно: въ сравненіи съ нами, землевольцами, Халтуринъ былъ крайнимъ западникомъ. Западничество развивалось и поддерживалось въ немъ какъ общими условіями исключительно интересной для него рабочей жизни столицы, такъ, можетъ быть, отчасти и нѣкоторыми случайными вліяніями. Съ лавристами онъ познакомился раньше чѣмъ съ бунтарями, а лавристы умѣли, какъ уже сказано, возбудить въ рабочихъ интересъ къ нѣмецкому соціаль-демократическому движенію. Къ тому же двое изъ близкихъ товарищей Степана долго работали за границей и западное вліяніе распространялось черезъ нихъ какъ лично на него, такъ и на весь Союзъ.

Въ Петербургѣ родственниковъ у Степана не было. Жилъ одинъ всегда одиноко, занимая небольшую комнатку на манеръ студенческой кельи. Къ обстановкѣ и одеждѣ своей онъ относился съ равнодушіемъ, достойнымъ самаго «интеллигентнаго» нигилиста. Высокіе сапоги, широкое, слишкомъ длинное даже для его высокаго роста, пальто, на которомъ недостаетъ нѣсколькихъ пуговицъ, довольно не-

уклюжая черная мѣховая шапка,—вотъ въ какомъ костюмѣ воскресаетъ онъ теперь въ моемъ воображенiи. Особаго наряда для воскресенья у него, вопреки обычаю всѣхъ заводскихъ рабочихъ, не полагалось. Разговорясь о дѣлѣ гдѣ нибудь въ трактирѣ или въ портерной, онъ охотно выпивалъ бутылку-другую пива, но врядъ-ли когда принималъ участiе въ веселыхъ товарищескихъ пирушкахъ. Другихъ рабочихъ мнѣ случалось иногда встрѣчать подкутившими. Его—никогда.

И, однако, этотъ сдержанный, практичный человѣкъ, былъ, если хотите, большимъ фантазеромъ. Его фантазiя постоянно и далеко опережала дѣйствительные успѣхи русскаго рабочаго движенiя. Довольно долго мечталъ онъ объ одновременной стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ. Такая мечта была, разумѣется, несбыточной. Но и она принесла свою пользу: Степанъ неутомимо носился изъ одного предмѣстья въ другое, вездѣ заводилъ знакомства, вездѣ собиралъ свѣдѣнiя о числѣ рабочихъ, о заработной платѣ, о продолжительности рабочаго дня, о штрафахъ и т. д. Его присутствiе вездѣ дѣйствовало возбуждающимъ образомъ, а самъ онъ прiобрѣталъ новыя драгоцѣнныя свѣдѣнiя о положенiи рабочаго класса Петербурга. Задавшись мыслью о стачкѣ, онъ, по своему обыкновенiю, сталъ искать подходящихъ указанiй въ книгахъ. Ему нужно было узнать численность петербургскаго рабочаго населенiя. Но статистика мало дала ему въ этомъ отношенiи. «Удивительное дѣло, не разъ говорилъ онъ мнѣ, статистическiя данныя о петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ совсѣмъ никуда не годятся. Тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ триста рабочихъ, ихъ показано пятьдесятъ, тамъ, гдѣ пятьдесятъ—записано сто или двѣсти. А вообще въ Петербургѣ несравненно больше рабочихъ, чѣмъ считаетъ статистика». Какъ же помочь горю? «Мы сами соберемъ нужныя свѣдѣнiя лучше всякихъ статистиковъ»,—рѣшилъ Степанъ, и принялся разносить по фабрикамъ и заводамъ особые листки, требуя отъ знакомыхъ рабочихъ, чтобы тѣ вписывали точные отвѣты на поставленные въ листкахъ вопросы. Не всѣ отвѣчали обстоятельно, иные и вовсе забывали отвѣтить. Но черезъ короткое время у Степана все таки собралось множество данныхъ. Относительно нѣкоторыхъ фабрикъ онъ хвалился мнѣ, что ему удастся точно высчитать всѣ рас-

ходы и всѣ доходы хозяевъ и такимъ образомъ опредѣлить степень эксплуатаціи работниковъ. Относящіеся сюда выводы онъ собирался напечатать въ отдѣльной брошюрѣ.

Очень увлекался онъ также мечтами о будущей всероссійской организаціи. Когда онъ заговаривалъ о ней, собесѣднику, подъ вліяніемъ его горячей вѣры, невольно начинало казаться, что препятствія уже устранены, связи повсюду заведены, организація существуетъ и остается только работать для ея дальнѣйшаго развитія. Но и въ этихъ мечтахъ не было ничего маниловскаго. Еще лѣтомъ 1878 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до основанія Сѣвернаго Союза, Халтуринъ отправился на Волгу, переходилъ тамъ съ завода на заводъ, и вступилъ въ тѣсныя сношенія съ тамошними рабочими. Собирался онъ пробраться и на Уралъ, но петербургскіе товарищи убѣдили его вернуться въ Петербургъ. Онъ тамъ былъ слишкомъ нуженъ.

Тотчасъ по основаніи «Сѣвернаго Союза» возникла мысль объ изданіи рабочаго журнала. Авторъ статьи «*Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ*» *) приписываетъ эту мысль исключительно Степану. Онъ ошибается. Кому принадлежала мысль объ изданіи «Земли и Воли»? Всѣмъ землевольцамъ вообще и никому въ частности. То же приходится сказать и относительно предполагавшагося изданія рабочей газеты. Потребность въ ней давно уже чувствовалась рабочими. Выходившая въ 1875 г. въ Женевѣ анархическая газета «Работникъ» была первой попыткой удовлетворенія этой потребности. Изданіемъ «Работника» дѣятельно интересовались многіе изъ рабочихъ, вошедшихъ потомъ въ «Сѣверно Русскій Рабочій Союзъ». Когда землевольцы завели тайную типографію въ Петербургѣ, мысль о рабочей газетѣ приняла новую форму. Стали говорить, что органъ русскихъ рабочихъ долженъ печататься въ Россіи. Возрастающіе успѣхи рабочаго движенія дѣлали его все болѣе и болѣе необходимымъ. Вопросъ о немъ сталъ очереднымъ вопросомъ. При этомъ Степанъ былъ молчаливо и единогласно признанъ редакторомъ будущей газеты Такимъ образомъ, онъ сталъ головою дѣла, починъ котораво принадлежалъ всему Союзу.

Будущій редакторъ держался того мнѣнія, что газета

*) Календарь Народной Воли.

должна имѣть чисто агитаціонный характеръ. У Союза было много связей въ рабочемъ мірѣ. Въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ о темныхъ сторонахъ фабрично-заводского быта недостатка быть не могло. Появленіе ихъ въ печати сочувственно встрѣтили бы всѣ рабочіе. Такимъ сообщеніямъ и должно было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты. Авторамъ передовыхъ статей оставалось бы лишь надлежащимъ образомъ освѣщать эти, непосредственно изъ жизни взятые, матеріалы. Съ распространеніемъ организаціи на провинціальные города явилась бы возможность обезпечить себѣ иногороднія извѣстія. Все это было очень практично, и казалось бы, что общество «Земля и Воля» должно было всѣми силами поддерживать задуманное рабочими предпріятіе. Землевольцы много сдѣлали для развитія рабочаго движенія въ Россіи. Отстраняться отъ него теперь, когда оно стало такъ быстро расти и крѣпнуть было бы по меньшей мѣрѣ странно. Они и не отстранялись отъ него сознательно, но незамѣтно для нихъ жизнь придавала ихъ дѣятельности совершенно новый характеръ.

VII.

Уже къ веснѣ 1879 г., т. е. въ то время, когда Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ насчитывалъ едва нѣсколько мѣсяцевъ существованія, общество «Земля и Воля» изъ *бунтарскаго*, какимъ оно было прежде, на половину превратилось въ *террористическое*. Тѣ изъ его членовъ, которые остались вѣрны старой программѣ, жили большей частью «въ народѣ», «въ поселеніяхъ», раскинувшихся въ разныхъ мѣстахъ нижняго и средняго Поволожья, на Дону, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Большинство же жившихъ въ Петербургѣ землевольцевъ съ ревностью новообращенныхъ стояло за террористическую дѣятельность, или, какъ тогда выражались, за *дезорганизацію правительства*. «Рабочее дѣло» никѣмъ не отрицалось въ принципѣ. Но на дѣлѣ посвящавшіяся ему силы и средства стали убывать очень и очень замѣтно. Многіе молодые революціонеры, начавшіе свою дѣятельность «занятіемъ съ рабочими», оставили это занятіе подъ вліяніемъ проповѣдывавшихъ «дезорганизацію» землевольцевъ. Революціонное движеніе интеллигенціи становилось, несомнѣнно, болѣе *ост-*

рымъ, но русло его все болѣе и болѣе *суживалось*. О вовлеченіи въ борьбу *народной массы* переставали думать. Задача движенія сводилась къ единоборству между *правительствомъ* и революціонной *интеллигенціей*. Въ апрѣлѣ 1879 г., за нѣсколько дней до выстрѣла Соловьева, мнѣ пришлось оставить Петербургъ, и я передалъ «сношенія съ рабочими» покойному Ширяеву. Вернувшись осенью того же года, я засталъ Халтурина въ сильномъ негодованіи противъ интеллигенціи вообще, а противъ насъ, землевольцевъ, въ особенности. «Человѣкъ, съ которымъ ты познакомилъ меня передъ своимъ отъѣздомъ, говорилъ онъ, былъ у насъ одинъ разъ, обѣщалъ доставить шрифтъ для нашей типографіи, а потомъ исчезъ, и я не видался съ нимъ два мѣсяца. А у насъ ужъ и станокъ сдѣланъ, и наборщики есть, и квартира готова. Остановка только за шрифтомъ. Да и кромѣ шрифта есть важное дѣло, нужно переговорить съ кѣмъ-нибудь изъ вашихъ, а гдѣ искать ихъ—неизвѣстно». *) Я былъ увѣренъ, что явившееся у Степана новое важное дѣло относится, какъ и всегда, къ рабочему движенію. Вышло не такъ.

Съ самаго основанія своего «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ» поставленъ былъ террористической тактикой интеллигенціи въ довольно затруднительное положеніе. Съ каждымъ новымъ террористическимъ фактомъ росли полицейскія строгости, умножались обыски, аресты и ссылки. Для нелегальныхъ революціонеровъ этотъ бѣлый терроръ до поры до времени былъ почти совершенно безвреденъ, такъ какъ имъ удавалось скрывать свои слѣды отъ самыхъ опытныхъ сыщиковъ. Въ иномъ положеніи были легальные революціонеры, чѣмъ нибудь успѣвшіе обратить на себя неблагосклонное вниманіе синяго начальства. Они должны были готовиться къ самымъ непріятнымъ неожиданностямъ. Въ рабочемъ Союзѣ *нелегальныхъ* было немного: кромѣ Халтурина, нелегальнаго съ 1878 г., еще можетъ быть, два-

---

*) При тогдашнемъ положеніи дѣлъ—выѣздъ изъ Петербурга всѣхъ „нелегальныхъ“ землевольцевъ (а такихъ было большинство) передъ выстрѣломъ Соловьева, суматоха, вызванная лѣтними революціонными съѣздами въ Липецкѣ и Воронежѣ, и, наконецъ, совершившееся осенью формальное раздѣленіе общества „Земля и Воля“—трудно было винить Ширяева за его халатность. Но Халтуринъ не зналъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, и потому досада его совершенно понятна.

три человѣка. Но за то многіе,—и часто самые дѣятельные, опытные и вліятельные—*легальные* члены его давно уже находились у полиціи на дурномъ счету. Имъ плохо приходилось отъ бѣлаго террора. Ихъ хватали, держали въ тюрьмахъ, ссылали. Подобныя потери тяжело отзывались на неокрѣпшей еще организаціи, и неудивительно, что «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ» сначала очень неодобрительно относился къ новому пріему революціонной борьбы. „Чистая бѣда, воскликнулъ Халтуринъ, только-только наладится у насъ дѣло,—хлопъ! шарахнула кого нибудь интеллигенція, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы намъ укрѣпиться!" Но революціонный терроръ все усиливался; усиливался и бѣлый. Провалы учащались. Выстрѣлъ Соловьева довелъ полицейскія строгости до неслыханной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же указывалъ, повидимому, и выходъ изъ невыносимаго положенія. Падетъ царь, падетъ и царизмъ, наступитъ новая эра, эра свободы. Такъ думали тогда очень многіе. Такъ стали думать и рабочіе.

Лѣтомъ 1879 г. кому-то изъ членовъ Союза предложено было мѣсто столяра въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ своимъ ближайшимъ товарищамъ. „Что-жъ, поступай, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, кстати ужъ и царя прикончишь". Это было сказано въ шутку. Но шутка произвела на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе, они серьезно задумались цареубійствомъ. Призвали на совѣтъ Халтурина. На первый разъ онъ высказался неопредѣленно: посовѣтовалъ только не болтать, да разузнать получше о предлагаемомъ мѣстѣ. Ему хотѣлось хорошенько обдумать это дѣло, причемъ онъ тутъ же, вѣроятно, рѣшилъ, что если найдетъ его возможнымъ и полезнымъ, то самъ же за него и возьмется. А подумать ему было о чемъ. Какъ ни жутко приходилось Союзу отъ бѣлаго террора, но его положеніе все таки было совсѣмъ не безнадежно. Это доказывалъ уже тотъ фактъ, что, несмотря на полицейскія строгости, рабочіе могли сдѣлать почти всѣ необходимыя приготовленія къ изданію своей газеты. Сношенія съ провинціальными городами только что начинались и опять таки, несмотря на всѣ строгости, сулили успѣхъ. Намѣченные полиціей члены Союза высылались одинъ за другимъ, но на ихъ мѣсто являлись новые, *не* намѣченные, которые при осторожномъ веденіи дѣла, могли долго продержаться. Новое покушеніе на жизнь

Александра II, въ случаѣ неудачи, навѣрное причинило бы Союзу новыя потери, тѣмъ болѣе, что самому Халтурину приходилось итти почти на вѣрную смерть. Онъ зналъ, какое разстройство внесетъ его гибель въ дѣла Союза. Но всѣ эти соображенія не устояли передъ однимъ: смерть Александра II принесетъ съ собою политическую свободу, а при политической свободѣ рабочее движеніе пойдетъ у насъ не по прежнему. Тогда у насъ будутъ не такіе союзы, съ рабочими же газетами не нужно будетъ прятаться *). Степанъ не долго колебался. Доступъ во дворецъ былъ обезпеченъ. Оставалось запастись взрывчатыми веществами.

Какъ велъ себя Халтуринъ въ Зимнемъ дворцѣ,—разказано въ Календарѣ Народной Воли **). Читателю извѣстно, вѣроятно, какую смѣлость и какое самообладаніе проявилъ онъ тамъ. Арестъ Квятковскаго, у котораго найденъ былъ планъ Зимняго дворца, поставилъ Халтурина, по словамъ автора разсказа, „въ истинно каторжное положеніе". На взятомъ у Квятковскаго планѣ царская столовая была отмѣчена крестомъ, и это обстоятельство заставило дворцовую полицію подозрительно относиться къ столярамъ, жившимъ въ подвальномъ этажѣ, какъ разъ подъ столовой. Въ одной комнатѣ съ Халтуринымъ помѣстили жандарма; дворцовую прислугу часто и неожиданно обыскивали; динамитъ приходилось хранить подъ подушкой; предпріятіе, а съ нимъ и жизнь Степана, постоянно висѣли на волоскѣ. Съ поразительнымъ хладнокровіемъ обошелъ онъ всѣ трудности, преодолѣлъ всѣ препятствія, и когда приготовленія были окончены, когда уже зажженъ былъ роковой фитиль, онъ „просто восхитилъ Желябова" тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ произнесъ „словно фразу изъ самаго обычнаго разговора", многозначительное „*готово*". Только послѣдующее его состояніе показало, какъ страшно былъ онъ измученъ. Придя послѣ взрыва на приготовленную для него конспиративную квартиру, „усталый, больной, онъ едва могъ стоять и только немедленно справился, есть ли въ квартирѣ достаточно оружія. Живой я не отдамся, говорилъ онъ".

„Извѣстіе о томъ, что царь спасся, подѣйствовало на Халтурина самымъ угнетающимъ образомъ. Онъ свалился совсѣмъ больной, и только разсказы о громадномъ впечат-

---

*) Подлинныя слова Халтурина.

**) *„Халтуринъ въ Зимнемъ дворцѣ"*.

лѣніи, произведенномъ 5-мъ февраля на всю Россію, могли его нѣсколько утѣшить, хотя никогда онъ не хотѣлъ примириться со своей неудачей" *). Не того ожидалъ онъ отъ своей попытки...

Послѣ 5-го февраля онъ продолжалъ дѣйствовать болѣе двухъ лѣтъ. Пробовалъ онъ вернуться къ своему любимому „рабочему дѣлу". Но логика разъ принятаго способа дѣйствій ставила свои неотразимыя требованія. Степанъ снова пошелъ на „терроръ". Извѣстно участіе его въ убійствѣ Стрѣльникова. Онъ умеръ на висѣлицѣ 22-го марта 1882 года. При арестѣ онъ храбро защищался вооруженной рукой.

Вскорѣ по поступленіи Халтурина въ Зимній дворецъ, я вынужденъ былъ оставить Россію. Съ тѣхъ поръ о ходѣ русскаго рабочаго движенія я могъ знать только по разсказамъ дѣйствовавшихъ послѣ меня товарищей. Авторъ статьи „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ" говоритъ, что „Сѣверно-Русскому Рабочему Союзу" удалось таки приступить къ изданію газеты, которая, однако, вмѣстѣ съ типографіей была заарестована при наборѣ перваго же нумера и не оставила по себѣ ничего, „кромѣ памяти о попыткѣ чисто рабочаго органа, не повторявшейся уже потомъ ни разу" **). Затѣмъ прекратилось и самое существованіе Союза. Повидимому, на его судьбѣ отразились программныя раздѣленія тогдашней интеллигенціи. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что уже въ 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники „партіи Народной Воли" (см. программу рабочихъ этой партіи, опубликованную въ ноябрѣ 1880 г.) и сторонники „Чернаго Передѣла". Въ восьмидесятыхъ годахъ въ разное время издавалось въ Россіи нѣсколько рабочихъ журналовъ: „Рабочая газета" (съ 15 декабря 1880 до конца 1881), „Зерно" (приблизительно около того же времени, „Рабочій" (въ 1885 г.). Правда, рабочіе были только читателями этихъ журналовъ, редактировались же они „интеллигенціей", но это было, что называется, только полъ-горя. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ перестали появляться въ Россіи и такія изданія. Наступило, казалось, полное затишье. Но разъ зажженый огонекъ мысли не погасъ въ рабочей средѣ,

*) Календарь. Историко-литературный отдѣлъ, стр. 48.

**) Авторъ относитъ эту попытку ко времени, предшествовавшему поступленію Халтурина во дворецъ. Но это ошибка.

какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенціей рабочій продолжалъ расти умственно и нравственно. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Г. И. Успенскій могъ поздравить русскихъ писателей съ „новымъ грядущимъ читателемъ". Недалеко то время когда „интеллигентныхъ", противниковъ самодержавнаго правительства можно будетъ поздравить съ новымъ, непобѣдимымъ *политическимъ союзникомъ*.

Когда наша революціонная „интеллигенція" чувствуя недостаточность своихъ силъ, спрашиваетъ себя, гдѣ искать поддержки, ея доброжелатели даютъ ей часто довольно странные отвѣты: „въ обществѣ", въ офицерской средѣ и т. п., и т. п. О рабочихъ такіе доброжелатели интеллигенціи вспоминаютъ рѣдко и неохотно. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но фактъ тотъ, что русскіе рабочіе внесли въ освободительное движеніе послѣднихъ двадцати лѣтъ несравненно больше силъ, чѣмъ почтенное военное сословіе, или—и въ особенности—наши милые, добрые, образованные, но рѣшительно никуда негодные либералы. А вѣдь до сихъ поръ совершились только первые, правда, самые трудные, но за то и самые слабые шаги нашего рабочаго движенія. Что же будетъ дальше? Людямъ, претендующимъ на политическую дальновидность, не мѣшало бы подумать объ этомъ.

Исторія давно и безвозвратно осудила русское самодержавіе. Но оно существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока та же исторія не заготовить достаточно силъ для исполненія своего приговора. Она дѣятельно заготовляетъ ихъ, беря ихъ отовсюду. Пролетаріатъ—самая могучая изъ создаваемыхъ ею новыхъ общественныхъ силъ. Пролетаріатъ, это тотъ динамитъ, съ помощью котораго исторія взорветъ русское самодержавіе.

Но рабочему классу не годятся старые, болѣе или менѣе фантастическіе революціонные костюмы интеллигенціи. Наши рабочіе, уже въ *семидесятыхъ* годахъ видѣвшіе слабые стороны *народничества*, въ девяностыхъ годахъ сознательно станутъ подъ знамя всемірной рабочей партіи, подъ знамя **соціаль-демократовъ**.

Пусть же поскорѣе наступаетъ эта счастливая пора! Много свѣта внесетъ она въ нашу темную жизнь!

Г. Плехановъ.

Серія „ПРОЛЕТАРІАТЪ“.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Г. В. Плехановъ. „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“. Перепечатано безъ измѣненій съ женевскаго изданія. Цѣна 20 коп.

Г. В. Плехановъ. „Всероссійское раззореніе“. Перепечатано безъ измѣненій съ женевскаго изданія. Цѣна 15 коп.

Г. В. Плехановъ. „Соціализмъ и политическая борьба“.—„Еще разъ соціализмъ и политическая борьба“. Цѣна 25 к.

Г. В. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“ (Изъ „Соціальдемократа“). Цѣна 15 коп.

Г. В. Плехановъ. „Лассаль“. Цѣна 10 коп.

Г. В. Плехановъ. „Новый защитникъ самодержавія или Горе г. Тихомирова“. Перепечатано съ женевскаго изданія. Цѣна 15 коп.

Г. В. Плехановъ. „Патріотизмъ и соціализмъ“. Цѣна 4 коп.

Л. Дейчъ. „Кровавые дни“. Цѣна 5 коп.

Я. Стефановичъ. „Неприкосновенность личности“ „Habeas Corpus“. Цѣна 4 коп.

К. Саблина. „Женщина—работница“. Цѣна 5 коп.

Карлъ Марксъ. „Наемный трудъ и капиталъ“. Съ двумя приложеніями. Переводъ и предисловіе Л. Дейча, подъ редакціей Г. В. Плеханова. Цѣна 10 коп.

Карлъ Марксъ. „Первый манифестъ Международнаго товарищества рабочихъ“. Цѣна 2 коп,

Карлъ Марксъ. „Классовая борьба во Франціи отъ 1847—1852 г.“. Съ введеніемъ Ф. Энгельса. Переводъ подъ редакціей Б. Кричевкаго. Цѣна 20 коп.

Карлъ Марксъ. „Рѣчь о свободѣ торговли“. Переводъ и предисловіе Г. В. Плеханова. Цѣна 10 коп.

Карлъ Марксъ. „Нищета философіи“. Перев. подъ редакціей М. Филиппова. Цѣна 35 коп.

Карлъ Марксъ. „Грей, какъ предшественникъ Прудона“. Перев. подъ редакціей М. Филиппова. Цѣна 8 коп.

Ф. Энгельсъ. „Бакунисты за работой“. Переводъ подъ редакціей *Н. Ленина*. Цѣна 10 коп.

Фр. Энгельсъ. „Крестьянская война въ Германіи“. Переводъ и предисловіе Финна-Енотаевскаго. Цѣна 25 коп.

„Марсельеза пролетаріевъ“. Сборникъ пѣсенъ и стихотвореній. Цѣна 20 коп.

Ф. Лассаль. „Программа работниковъ“—„О сущности конституціи“.—„Что же дальше“?—Съ двумя приложеніями: *Бернштейнъ*: Лассаль; *Бебель*: Лассаль, 128 стр. Цѣна 20 коп.